

ДЕБОРА МАКДОНАЛЬД
ДЖЕРЕМИ ДРОНФИЛД

ОЧЕНЬ ОПАСНАЯ ЖЕНЩИНА

ИЗ МОСКВЫ В ЛОНДОН С ЛЮБОВЬЮ,
ЛОЖЬЮ И КОВАРСТВОМ: **БИОГРАФИЯ**
ШПИОНКИ, ВЛЮБЛЯВШЕЙ В СЕБЯ ГЕНИЕВ

Дебора Макдональд
Джереми Дронфилд

**Очень опасная женщина.
Из Москвы в Лондон с
любовью, ложью и коварством:
биография шпионки,
влюблявшей в себя гениев**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21615010

*Д. Макдональд. Дж. Дронфилд. Очень опасная женщина. Из Москвы в Лондон с любовью, ложью и коварством: биография шпионки, влюблявшей в себя гениев: Центрполиграф; Москва; 2016
ISBN 978-5-227-07130-9*

Аннотация

Русская аристократка баронесса Мура Будберг – шпионка, искательница приключений, харизматичная соблазнительница, любовница двух крупнейших писателей XX века, родилась для того, чтобы потворствовать своим желаниям и получать удовольствие от жизни. Мужчины сходили по ней с ума, но ее главной любовью стал британский дипломат и тайный агент Роберт Брюс Локарт, ради него она была готова пожертвовать

всем. Эта увлекательно изложенная, правдивая история о страсти, шпионаже, обмане и предательстве – первая биография Муры Будберг, в которой использованы все прежде не исследованные письма, дневники и документы, имевшие отношение к жизни этой необыкновенной женщины.

Содержание

Предисловие	7
Пролог	16
Часть первая. Нарушая все условности. 1916–1918 гг.	19
Глава 1. Канун революции. Декабрь 1916 г.	20
Глава 2. Выбор: на чьей стороне? Декабрь 1916 г. – октябрь 1917 г.	43
Глава 3. Красная зима. Декабрь 1917 г. – январь 1918 г.	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Дебора Макдональд,
Джереми Дронфилд
Очень опасная
женщина. Из Москвы
в Лондон с любовью,
ложью и коварством:
биография шпионки,
влюблявшей в себя гениев**

Deborah McDonald

Jeremy Dronfield

A Very Dangerous Woman. The Lives, Loves and Lies of
Russia's Most Seductive Spy

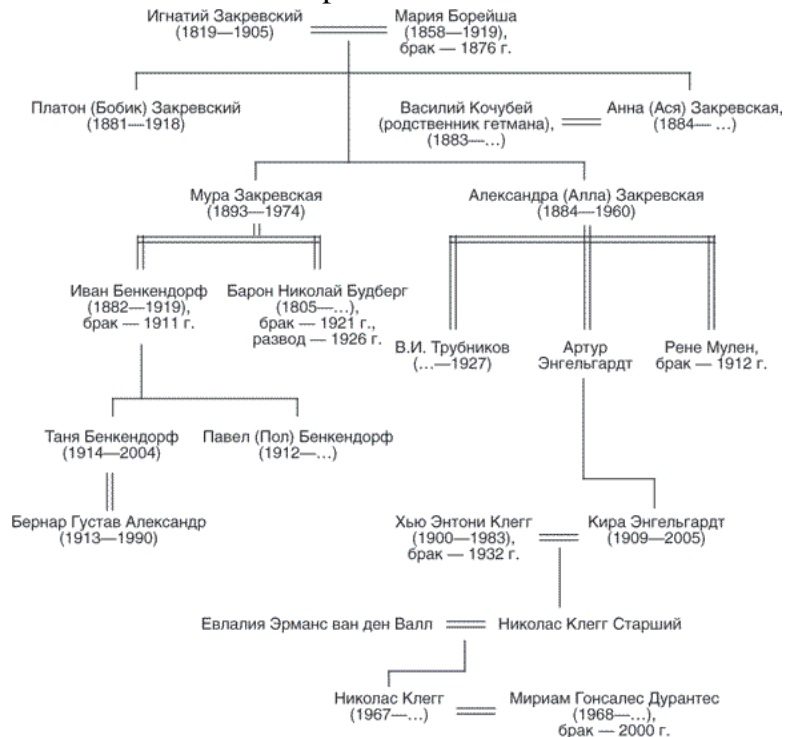
© Deborah McDonald and Jeremy Dronfield, 2015

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполи-
граф», 2016

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2016

* * *

Потомки Игнатия Закревского

Предисловие

Мура Будберг была загадкой для каждого, кто ее знал. Даже ближайшие друзья и дети так и не разгадали ее до конца.

Лондон в 1950-х годах не испытывал недостатка в замечательных личностях, но немногие мужчины или женщины обладали тем притягательным очарованием или ореолом опасности и тайны, который окружал баронессу Будберг. Проводя званые вечера в мрачноватой, немного обшарпанной квартире в Кенсингтоне, она умудрялась привлекать цвет литературного и политического общества. Грэм Грин, Лоуренс Оливье, Том Дриберг, Гай Берджесс, Бертран Рассел, Гамиш Гамильтон, Дэвид Лин, Э. М. Форстер, леди Диана Купер, Энид Бэгнольд, Питер Устинов – все они в разное время приходили в салон Муры, чтобы выпить джину с водкой и испытать восхищение.

Официально Мура жила на то, что зарабатывала переводами книг и пьес, в качестве консультанта-сценариста и редактора у Александра Корды, а время от времени – на деньги, собранные богатыми друзьями, поддавшимися ее чарам. Известно, что Мура была возлюбленной Максима Горького и Герберта Уэллса, которые теряли от нее рассудок, и любовницей многих других мужчин. Физически в то время она была малопривлекательной женщиной – стареющая, с избыточным весом, глубокими морщинами, большим носом, сломанным

в детстве, и здоровьем, подорванным кревоугодием, неумеренным употреблением водки и курением сигар. Баронесса Будберг была ходячая развалина – искалеченная оболочка человеческого существа, когда-то обладавшего красотой, гибкостью и редкостной притягательностью.

Однако ее харизма все еще привлекала внимание и пробуждала любовь к этой женщине, пребывающей даже в столь дряхлом состоянии. Герберт Уэллс, брачные предложения которого она неоднократно отвергала, сказал о ней: «Я редко видел ее в какой-нибудь комнате с другими женщинами, среди которых она была бы не только для меня, но и для многих других не самой привлекательной и интересной»¹.

О ней всегда ходили слухи. Она была шпионкой, предательницей, двойным или даже тройным агентом на службе МИ-6, МИ-5, КГБ... Никто не мог сказать наверняка, но у каждого было свое мнение на этот счет. Она была знакома со всеми, кто что-либо собой представлял, и любила давать понять, что все про них знает. Людей, попадавших в раскинутую человеческую сеть, которую баронесса сплела вокруг себя, более давние ее знакомые предупреждали быть осмотрительными и придерживать язык – Мура знала все, видела все и имела влиятельных друзей и опасные связи. Но едва ли кто-либо, угодивший в ее медвежьи объятия и оказавшийся под властью ее обаяния, мог ей сопротивляться.

Баронесса Будберг – или та личность, которую она явля-

¹ Уэллс, *H. G. Wells in Love*, с. 162.

ла миру, – была отчасти создана из легенд и небылиц. Некоторые из них (и необязательно самые лестные) были ее собственными выдумками, сочиненными или украденными из жизни других людей и добавленными к существующим мифам о Муре Будберг. Она шпионила на немцев в годы Первой мировой войны, работала в пользу и против англичан и русских, была агентом страшной тайной полиции большевиков во время красного революционного террора, любовницей британского шпиона, который строил заговор, чтобы убрать Ленина, была разведчицей, которой доверял Сталин; и, возможно, даже совершала убийства.

Если в закоулках мифов о ней и были разбросаны какие-то зерна или обрывки правды, никто не старался отгадать, что это может быть, или отделить их ото лжи. Каждому мужчине или женщине, которые знали баронессу, – члены семьи, друзья, знакомые или враги – нравилось думать, что он или она знает движущую силу ее поступков или скрываемую правду о ней. На самом деле немногие из них знали о ней чуть больше, чем почти ничего.

Что им хотелось знать больше всего, так это правду о ее самых первых авантюрах – романе с британским дипломатом и тайным агентом Робертом Брюсом Локартом в революционной России и участии в его заговоре с целью свержения большевистского правительства.

Почти все ее друзья хотели, чтобы она написала мемуары. Писатель и борец за мир Питер Ричи Колдер испытывал

«к ней глубокую симпатию и всегда думал, какую чудесную книгу о ней можно было бы написать»². И он был не единственный. Издатели Альфред А. Кнопф и Гамиш Гамильтон пытались договориться с Мурой Будберг о написании ее биографии, и, хотя она получила и потратила аванс, не написала ни слова. Она начала писать воспоминания десятилетиями раньше, но никто никогда не видел их, и они были сожжены вместе с большинством других бумаг незадолго до ее смерти в 1974 г.

После смерти Будберг были предприняты несколько попыток написать ее биографию, но большинство из них не удались ввиду нехватки источников материала.

В 1979 г., через пять лет после того, как баронесса сошла в могилу, биограф Эндрю Бойл попытался описать ее жизнь. Его книга «Климат предательства», в которой Энтони Блант разоблачался как советский шпион, возглавила списки бестселлеров, и он обратил внимание на женщину, которая по стечению обстоятельств пыталась предупредить МИ-5 относительно Бланта за десятки лет до этого скандала. Он увидел в ней гораздо большую тайну, чем в любом из кембриджских шпионов, причем почти так же хорошо защищаемую тесным кругом ее близких друзей. Обмен письмами между Бойлом и людьми из окружения Муры показывает, как быстро вокруг нее опустился занавес, едва только ее семья поняла, каковы

² Лорд Ричи Колдер, письмо Эндрю Бойлу, июнь/июль 1980 г., CUL Add 9429/2B/85.

его намерения.

Бойл продвинулся настолько, что набросал общий план, в котором отметил, что «следует делать добродетель из объяснения материала, не вполне определенного характера»³, относящегося к ранним годам ее жизни. Но эта биография так и не была написана – писатель, который проник в тайну последнего кембриджского шпиона, не смог достаточно крепко «ухватить» Муру Будберг, чтобы «оживить» ее.

Одному биографу удалось добиться успеха там, где потерпел поражение Бойл. Нина Берберова, русская романистка, обладала бесценным преимуществом: она знала Муру в ее первые годы пребывания в ссылке, приблизительно с 1921 по 1933 г. В остальном же жизнь Муры была почти такой же загадочной для Берберовой, как и для любого другого человека. Будучи весьма предприимчивым беллетристом, Берберова не отступила, и там, где ей не хватало первоисточников, она, не колеблясь, придумывала – и не только детали, но и важные факты.

С тех пор в свет вышли многие другие материалы. Помимо большого архива писем Горькому, Уэллсу и Локарту, не так давно было опубликовано досье, заведенное на Будберг в МИ-5 и охватывавшее период с 1920 по 1951 г. Прибавив его к фактам, обнаруженным Эндрю Бойлом, и связав его с новыми изысканиями в области истории «заговора Локарта», мы получили возможность собрать по кусочкам всю историю

³ Эндрю Бойл, 'Budberg Outline', CUL Add 9429/2B/127 (i).

ее жизни и открыть некоторые удивительные и совершенно потрясающие факты.

Трудно отличить то, что Мура действительно делала в своей жизни, что она, как считалось, сделала и что она сделала, если верить ее собственным утверждениям. Иногда это совершенно невозможно различить. Есть искушение цинично смотреть на ложные утверждения Муры – считать, что она возвеличивала себя или просто не могла отделить факт от выдумки. Но одно неопровержимо: она создавала для себя художественную правду. Ей это было свойственно всю жизнь, но лишь в близких отношениях с Максимом Горьким, глубоко проникнув в мышление литературного творца, она сама начала понимать то, что делает. Пытаясь суммировать творческие действия Горького по превращению своего жизненного опыта в художественное произведение, она отмечала, что «художественная правда более убедительна, чем эмпирический бренд, правда сухого факта»⁴.

Мура инкапсулировала свою жизнь и побудительные мотивы. Она не была сорокой, ворующей чужой жизненный опыт из-за его привлекательного блеска, и не приукрашивала свой собственный жизненный опыт, чтобы казаться более интересной. Там, где Горький создавал литературное произведение из человеческих жизней, Мура пыталась создавать из них художественно «правдивую» жизнь для себя, даже когда жила ею.

⁴ Мура Будберг, Предисловие к Горькому, *Отрывки из моего дневника*, с. IX.

И ее кражи и выдумки не были постоянными – лишь небольшие штрихи там и тут. Ее жизнь – по чистой случайности – оказалась очень яркой и драматичной, что обычно бывает только в романах. Она знала об этом и позаботилась о том, чтобы в ее письмах и высказываниях того времени, а впоследствии в ее воспоминаниях появлялись правильные слова и при соответствующих драматических стечениях обстоятельств была занята правильная позиция. Будь то мужественное прощание в ночном сумраке железнодорожного вокзала, клятва любить до самой смерти или возвышенная прощальная речь на горном утесе, она в полной мере играла свою роль. То, что действие было приукрашено и специально заряжено драматически, не делало происходящее менее реальным ни для нее, ни для людей, которые играли роли в пьесе ее жизни.

Вклады, которые были сделаны в написание этой истории жизни, слишком многочисленны, чтобы было можно полностью перечислить всех, кто их внес. Если бы не работа покойного Эндрю Бойла, собравшего рассказы ее друзей, пока они были еще живы, эта книга не смогла бы появиться на свет. Это было бы невозможно и без воспоминаний «Эстонское детство», написанных дочерью Муры Таней.

Среди других людей, которые способствовали созданию этой книги и заслужили нашу благодарность, хотелось бы назвать работников архивов, которые предоставили копии

документов и писем, имевших отношение к жизни Муры Будберг: Аркадию Фальконе из Центра Гарри Ренсома, Техасский университет; Дэвида К. Фразье из Библиотеки Лилли, Индианский университет; Кэрол Леденхэм, Шона Макинтайра и Николаса Сикирски из архива Гуверовского института, Стэнфордский университет; Денниса Дж. Сирса из Библиотеки редких книг и рукописей, Иллинойсский университет; сотрудников архива палаты лордов, Вестминстер.

Энно Маст – директор Музея Янеда, и Георгий Сареканно – его смотритель любезно уделили Деборе час своего времени, чтобы показать ей особняк поместья, в котором Мура жила в Эстонии и где в настоящее время находится музейная экспозиция, посвященная ей и семье Бенкендорф.

Хотелось бы поблагодарить биографов и историков, которые поделились своими оценками и информацией: Андрею Линн за ее помощь и информацию о жизни Муры и ее отношениях с Гербертом Уэллсом; Джона Пакетта за бесценный перевод доклада Якова Петерса по делу Локарта; профессора Барри П. Шерра из Дартмутского колледжа, Чикагский университет, за предоставление записей о переписке Горького и Будберг, хранящейся в российских архивах, и информации об их взаимоотношениях; Каролину Шмитц за перевод с немецкого переписки Пола Шеффера и Муры; Миранду Картер и Найджела Уэста за информацию и советы.

Сердечная благодарность тем друзьям и знакомым Муры Будберг, которые поделились своими воспоминаниями

и мыслями о ней в беседе с Деборой: лорду Вейденфельду; Майклу Корде; Натали Брук (урожденной Бенкендорф) и Джейми Брюсу Локарту, который дал разрешение использовать письма из архивных документов Роберта Брюса Локарта. Также благодарим Саймона Колдера и его семью за разрешение использовать эпиграф, написанный его умершим девушкой Питером Ричи Колдером.

Наконец, глубочайшая благодарность нашему агенту Эндрю Лоуни, который первым увидел перспективность этой истории и объединил нас для ее написания; Фионе Слейтер, Розалинде Портер и всем в «Уануорлд» за то, что поверили в эту книгу и дали ей возможность увидеть свет.

*Дебора Макдональд
Джеремии Дронфилд
Январь 2015 г.*

Пролог

Лондон, 1970 г.

Баронесса Мура Будберг, двигаясь настолько тихо и грациозно, насколько ей позволяли ее возраст и артрит, вошла в русскую православную церковь в Кенсингтоне. Проходя между красными мраморными колоннами (звук ее шагов был не слышен из-за пения хора), она остановилась перед иконой Иисуса Христа и зажгла свечку, чтобы он простил ей ее грехи.

Их у нее было много – больше чем на одну жизнь, грехи всех мастей от тяжелейших проступков до самого отъявленного распутства.

Муре было уже далеко за семьдесят, и все же славянские скулы и кошачьи глаза все еще напоминали о прелестях, которые кружили головы мужчинам в ее молодые годы. Аристократы и дипломаты, тайные агенты и интеллектуалы, премьер-министры и принцы – все они подпадали под чары манипуляторши. И все же, несмотря на все ее грехи, один из них, за который она по-настоящему пострадала, вообще не был грехом – она влюбилась. Единственный мужчина, которого она по-настоящему любила всем сердцем, ускользнул от нее. Теперь, когда прошли десятки лет после страсти их молодости – безудержного и опасного романа, разгоревше-

гося в пламени революции, она пришла сюда, в эту церковь изгнанников, чтобы оплакать его смерть.

Всю свою жизнь Мура безжалостно лгала: выживание – вот что имело значение, выживание любой ценой. Она использовала свои женские чары и изощренный ум, чтобы манипулировать мужчинами, шпионила и предавала и, в свою очередь, страдала. Она вполне могла сказать, что у нее была яркая жизнь, несмотря на то что не провела ее с мужчиной, которого любила.

Хор выводил проникновенную русскую мелодию, и ладан заполнял воздух. Блеск золота на иконах и искусно выписанных фресках, белые своды и позолоченный купол над алтарем – все это разительно контрастировало с самой Мурой: ее платье, как и настроение, было черным и глухим. Она чувствовала, что ей нужно подкрепить силы несколькими глотками джина и сигарой, прежде чем прийти сюда. Помимо священника и хористов, она была единственным человеком в церкви: это была ее собственная, личная поминальная служба. Она пришла сюда, чтобы поблагодарить Иисуса Христа за то, что дал жизнь Роберту Брюсу Локарту – шпиону, писателю и искателю приключений; ее утраченному возлюбленному. Теперь, после смерти, он принадлежал только Муре.

Насколько иной могла бы быть жизнь, если бы он не предал и не бросил ее – дорогой Локи, ее Малыш. Они могли бы провести вместе всю жизнь, и сейчас она не испытывала

бы такого горького отчаяния, оплакивая его. Мура вспомнила ночь, когда они были схвачены ЧК: оглушительно громкий стук в дверь, страшная поездка на Лубянку. Он, заговорщик, тайный террорист, ожидал казни. Звуки выстрелов расстрельной команды эхом отзывались во всем здании, когда красный террор начал расползаться по улицам Москвы. Находясь в одиночной камере, час за часом он ожидал, что придут за ним. Одна Мура знала всю правду о том, почему его пощадили: благодаря унижительной жертве, которую она принесла в обмен на его жизнь.

И сейчас она вспомнила свою жизнь до появления в ней Локарта – такой веселой и легкой она казалась теперь, простой прелюдией к революции, когда каждое лето было ленивой идиллией, а каждая зима – заснеженной страной чудес...

Часть первая. Нарушая все условности. 1916–1918 гг.

Русская из русских, она горделиво пренебрегала всей ничтожностью жизни и обладала мужеством, которое было ей защитой от малодушия... В мою жизнь вошло нечто, что было сильнее любых других уз, сильнее, чем сама жизнь. С того момента она навсегда должна была остаться в ней... пока нас не разлучила вооруженная сила большевиков.

Роберт Брюс Локарт. Воспоминания английского агента

Глава 1. Канун революции. Декабрь 1916 г.

За неделю до Рождества, Йендель, Эстония

Сани летели по прямой как стрела подъездной аллее к усадьбе Йендель; бубенцы звенели; слежавшийся снег заглушал стук копыт лошадей. Сани промелькнули в тених, отбрасываемых голыми ветвями буков, окаймлявших аллею, пронеслись мимо замерзшего озера и сверкающего луга с отдельно стоящими деревьями, направляясь к дому.

Укутанные в меха, в санях сидели две женщины и трое маленьких детей, которые были похожи на хрупкие свертки. Более молодая женщина вглядывалась в ледяной мир, простирающийся вокруг, с невозмутимым удовлетворением в кошачьих глазах. Другая женщина – статная, средних лет, – сосредоточила свое внимание на детях, боясь, что они выпадут из открытых саней на скорости. Поездка от деревенской железнодорожной станции была короткой, дорога – прямой, но Маргарет Уилсон была не той женщиной, которая готова без нужды рисковать своими подопечными. Их мать, сидевшая рядом с ней, была совсем другой. Мадам Мура любила своих детей, но была рада предоставить няне нести бремя забот о них. И, обладая смелостью, близкой к безрассудству, не думала об опасности. Жизнь еще преподаст ей уроки защи-

ты и выживания. (Ее несчастный отец так и не усвоил этих уроков; он поставил свои принципы выше самосохранения и пострадал за это.)

Показался дом. Сани теперь двигались не так споро, и резкий свист, который издавали при скольжении их полозья, стал стихать. Этот дом нельзя было не заметить, особенно в это время года. Особняк поместья Йендель в здешних сельских краях был известен как Красный дом. Его красноватая кирпичная коробка квадратной формы со сказочными башенками по краям казалась синевато-багровой на фоне заснеженного ландшафта в окружении покрытых инеем кустарников и серебряных берез, похожих на иглы, на берегу озера.

Мысли Муры занимали яркие события нескольких прошедших дней и грядущие рождественские удовольствия. Будут званые обеды и пение у камина, веселая компания и катания на санях... и многое другое. Мура предвкушала период развлечений. Ее муж, находившийся на войне, возможно, будет отсутствовать большую часть праздников, но Мура могла легко это пережить. Если бы и его мать тоже не приезжала, было бы идеально. Но это был их дом – одно из многих владений знатной семьи Бенкендорф, в которую довольно поспешно попала Мура, выйдя замуж в юном возрасте.

Сани остановились в облаке пара, который валил от дыхания лошадей. Двери дома распахнулись, вышли слуги, чтобы забрать багаж. Мура выбралась из-под меховой полости,

взяла на руки самую младшую из детей – малютку Таню – и ступила на снег.

На земле лежал снег и в тот день, когда родилась Мура почти двадцать пять лет назад за много сотен миль отсюда. Она появилась на свет в марте 1892 г.⁵ – четвертое и самое дорогое дитя Игнатия Платоновича Закревского, землевладельца и высокопоставленного юриста на службе у царя.

Родилась Мура в имении семьи Закревских Березовая Рудка под Полтавой на Украине. Это был красивый дом – величественное здание, построенное в стиле классической усадьбы, с колоннами, арками и портиком, но со славянским колоритом: маленькими куполами-луковками и стенами, снаружи оштукатуренными и покрашенными в царском стиле (лососево-розовые с белой отделкой)⁶. Изысканное место для рождения, но не слишком хорошее место для взросления мятежного духа.

У Игнатия Закревского и его жены уже было трое детей – мальчик по имени Платон (близкие звали его Бобик) и де-

⁵ Точная дата рождения Муры вызывает сомнения. В ее официальных документах значится дата 3 марта, хотя она праздновала свой день рождения 6 марта. Переход с юлианского календаря на григорианский не объясняет этого несоответствия. Более того, дочь Муры Таня утверждала, что год рождения ее матери был 1893 г. (Alexander, *An Estonian Childhood*); во всех других источниках, включая ее заявления на выдачу паспорта, значится 1892 г.

⁶ Дом в Березовой Рудке сохранился, но находится в печальном состоянии. Яркая краска поблекла и облупилась, сады запущены, а фонтан разрушен.

вочки-близнецы Александра (Алла) и Анна (известная как Ася). Новорожденную окрестили Марией Игнатьевной Закревской⁷. Имя Мария дала ей мать, но вскоре девочку все стали называть Мурой. Она быстро стала любимицей семьи. Отец души в ней не чаял, она была «любимой игрушкой его средних лет, и он бессовестно баловал ее»⁸. Когда к нему приходили гости, он имел обыкновение ставить ее на стул, чтобы она читала стихи. Девочка наслаждалась вниманием и аплодисментами. На самом деле она требовала их и могла разгневаться в тех редких случаях, когда не получала желаемого⁹. Харизма и ум помогали ей удерживать внимание всех, кто встречался ей на пути.

За исключением изящного дома и парка, Березовая Рудка была унылым сельским местечком для такого ребенка. Поместье Закревских охватывало тысячи акров леса и пахотной земли, большая часть которой была отдана под сахарную свеклу, которая перерабатывалась на собственном сахарном заводе. И хотя земля давала ему его богатства, Игнатий Закревский не был фермером. Свою энергию он отдавал юстиции – уголовному судопроизводству, занимая видное место в судебной системе, и социальной юстиции, участвуя в различных кампаниях и благотворительных акциях. В

⁷ Русские фамилии имеют мужскую и женскую формы. Закревская – это женская форма от фамилии Закревский.

⁸ Alexander, *Estonian Childhood*, с. 37.

⁹ Alexander, *Estonian Childhood*, с. 27.

основном он работал в Санкт-Петербурге, и Мура была больше всего счастлива, когда семья жила там в своих апартаментах.

У отца и дочери было столкновение темпераментов – оба по образу мыслей были либералами, и оба склонны к импульсивности и безрассудству. Игнатий Закревский служил обер-прокурором Правительствующего сената – высшей судебной инстанции в России. Но его радикальные политические взгляды, включая деятельность по введению в судебную систему судов присяжных, шли вразрез с консерватизмом царя Николая II, и Закревский в конечном счете потерял свою должность. Последней его ошибкой была активная поддержка Эмиля Золя в деле Дрейфуса. В 1899 г. он был вынужден покинуть Сенат, уйдя в отставку.

Это было время, когда радикальные и консервативные тенденции все больше и больше вступали в конфликт. Крестьяне и рабочие терпели колоссальные лишения. В год рождения Муры почти полмиллиона человек в Полтавской губернии умерли от холеры и тифа, ослабев от недоедания. Несколько жестоких холодных зим вызвали неурожай, а те немногие запасы продуктов питания, которые имелись, государство предназначило на экспорт. В то же время царь взимал земельные налоги с обедневших хозяйств. Крестьяне были в таком отчаянном положении, что ели «голодный хлеб», выпеченный из ржаной шелухи, смешанной с лебедой, мхом и древесной корой или всем, что под руку попада-

лось¹⁰. Игнатий Закревский убеждал правительство не быть самоуверенным и предупреждал, что пренебрежение проведением общественной и судебной реформ рано или поздно приведет к бунту.

Он был прав, но не дожил до того, чтобы увидеть его своими глазами. В начале 1905 г. во время поездки в Египет со своими дочерьми-близнецами Аллой и Асей у Игнатия Закревского случился сердечный приступ, и он умер. Его вдова, оставшаяся с детьми, которых надо было растить, и поместьем, которое требовалось содержать, получила после его смерти наследство, которое оказалось гораздо меньше, чем ожидалось: совершив свой последний эксцентричный поступок, Игнатий оставил часть своего состояния масонам.

Жить в Санкт-Петербурге было слишком дорого, и Закревская увезла двенадцатилетнюю Муру, чья бьющая через край индивидуальность как раз начала расцветать, на постоянное жительство в Березовую Рудку. Так начался безрадостный период в жизни Муры: она потеряла любимого отца и теперь была обречена несколько лет вести унылую жизнь в деревне. Это пагубно повлияло на нее и привело к принятию заслуживающего сожаления решения.

Плотный снег закрипел под каблуками Муры, когда она вышла из саней. Пока слуги забирали багаж, она улучила минутку, чтобы оглядеться и взглянуть на дом.

¹⁰ Figes, *A People's Tragedy*, с. 158.

Красный дом в Йенделе был темнее и менее изящный, чем ее родной дом в Березовой Рудке и больше походил на разросшийся охотничий домик, нежели на господский особняк, но Мура была здесь счастлива так, как ей редко удавалось быть счастливой в доме своего детства. Самое большое значение для Муры имели образ жизни, люди и веселье, а не место. В Йенделе она была хозяйкой дома и могла окружать себя компанией по своему выбору. Эстония также была ближе к Петрограду (так теперь называлась столица). Всего лишь ночь в поезде и короткая поездка в санях по сравнению с долгими, изматывающими странствиями в дальнюю даль – такими она помнила свои путешествия на Украину в детстве.

Петроград в 1916 г. не был спокойным местом для жизни, так что продолжительные каникулы в Йенделе были вдвойне приятны. Простые люди были беспокойны. Их жизнь не изменилась за последнюю четверть века – разве что к худшему. Следствия нищеты и угнетения были видны везде, а война¹¹ против немецкой и Австро-Венгерской империй, длившаяся уже третий год, истощала людские и материальные ресурсы России. Военные госпитали были заполнены, а булочные – пусты.

Политические трения достигали самой вершины пира-

¹¹ Первую мировую войну называли в России по-разному. Иногда ее называли Второй Отечественной войной (первая – война с Наполеоном 1812 г.), но обычно – Отечественной или Великой Отечественной войной. Два последних названия также были в ходу в 1812 г. и снова возродились в 1941 г. и в настоящее время ассоциируются в основном со Второй мировой войной.

миды власти. Еще несколько лет назад, 16 декабря, Мура присутствовала на печально известном балу, который давал князь Феликс Юсупов во дворце на Мойке¹² и на котором сотни приглашенных из числа сливок петроградского общества ужинали и танцевали в бальном зале, в то время как в подвале убивали Распутина. Ввиду пагубного влияния на царя и царицу, которое, по мнению представителей знати, оказывал Распутин, его заманили во дворец в полночь, угостили отравленными пирожными и вином, а затем убийцы подвергли его жестокому насилию. В конечном счете дело было сделано. А тем временем на балу продолжали танцевать гости. Царская семья оплакивала потерю своего советчика, а разгневанная царица жаждала мести.

Бунтовские настроения носились в воздухе, но едва ли кто-нибудь – и меньше всех Мура – верил, что оно взорвется революцией. Это было больше чем привычный беспорядок, который веками был частью русской жизни. Время от времени волнения вспыхивали, но всегда утихали. Сторонница либеральных взглядов, Мура сочувствовала простому народу, но не настолько, чтобы самой тревожиться о нем. Возможно, в чем-то она была похожа на своего отца, но все-таки была другой.

С маленькой Таней на руках она повернулась к двум другим детям, которых няня вынимала из саней: четырехлетнего Павла нужно было вытащить из полости, а Кира – самая

¹² Сэр Майкл Постан, интервью с Эндрю Бойлом, CUL Add 9429/2B/123.

старшая из детей – грациозно выбралась сама. Кира была старше, чем брак ее матери, и ее происхождение было неясно: не по отцу, а по матери. Эта маленькая девочка была частью сложного запутанного клубка жизни, который Мура уже плела вокруг себя.

После смерти главы семьи достаток уменьшился, и Муру не отправили учиться в школу, как старших брата и сестру. Вся ее жизнь между двенадцатью и семнадцатью годами была связана с фамильным поместьем и открытой всем ветрам украинской степью, которая его окружала, – плоской равниной, казалось не имеющей конца и края и оживляемой лишь деревьями и – редко – куполом церкви.

Ее учили домашние учителя и гувернантки, но ближайшей подружкой была няня Мики, которая жила в их семье с тех пор, когда Муры еще на свете не было. Мики, или Маргарет Уилсон, была женщиной с характером – молодая, красивая, волевая и абсолютно преданная своим воспитанникам. Она также была женщиной с прошлым, которое сделало ее жизнь на родине невозможной.

Рожденная в Ливерпуле в 1864 г., Маргарет рано вышла замуж за ирландца, который прожил с ней достаточно долго, чтобы она родила ему сына, а затем ушел, чтобы принять участие в одном из восстаний, которые часто вспыхивали в Ирландии в 1880-х гг., – так называемой Ирландской войне, где его и убили. Маргарет, энергичная, чуждая условно-

стей женщина, стала любовницей английского офицера-кавалериста, полковника Томаса Гонна, который служил в Ирландии и по возрасту годился ей в отцы. В июле 1886 г. она родила дочку Эйлин. И как будто по заведенному сценарию, спустя несколько месяцев полковник Гонн умер от тифа, и Маргарет снова осталась одна с ребенком – на этот раз позорно незаконнорожденным¹³. С того момента ее жизнь, вероятно, стала невыносимой, но в конечном счете помощь пришла, откуда не ждали.

В 1892 г. Игнатий Закревский приехал в Англию по делам. Он пришел в компанию англичан, которые были, как он, богатыми, знатными, с радикальными взглядами. Среди них была Мод Гонн – актриса, поддерживавшая стремление ирландского народа к независимости, любовница поэта Уильяма Батлера Йейтса. Она также была дочерью умершего полковника Томаса Гонна, что делало ее единокровной сестрой маленькой дочери Маргарет Эйлин, которой было в ту пору шесть лет. Мод помогала Маргарет содержать Эйлин с самого рождения (вопреки противодействию своего дяди – брата умершего полковника)¹⁴.

Игнатий Закревский принял участие в судьбе молодой Маргарет, и было заключено соглашение. Закревский – человек, благотворительные порывы которого часто перевешивали здравый смысл, должен был увезти Маргарет с собой в

¹³ Keane, *Séan MacBride*, с. 3.

¹⁴ White & Jeffares, *The Gonne – Yeats Letters*, с. 9.

Россию, где она будет обучать английскому языку его дочерей-близнецов Аллу и Асю. А заботиться об Эйлин станет Мод¹⁵.

Когда Игнатий Закревский возвратился в Россию с Маргарет, предполагалось, что она проработает двенадцать месяцев, и ее обязанности будут состоять исключительно в том, чтобы обучать английскому языку близняшек. Но вскоре она полностью вошла в семью, и первоначальный план был забыт. Кончилось тем, что Маргарет провела остаток своей долгой жизни с этой семьей¹⁶. Будучи не очень образованной, Маргарет не была учительницей, и помимо английского языка дети Закревских обучались другим предметам домашними преподавателями.

Мура родилась через несколько недель после приезда Маргарет, и та стала для младенца няней, а позднее – компаньонкой, подругой и кем-то вроде суррогатной матери. Все дети Закревских ее обожали. В то время как для родителей Маргарет была официально Уилсон, дети называли ее Даки (уточка), что потом превратилось в Мики. Это имя к

¹⁵ Мод рассказала эту историю в своих воспоминаниях, в которых Маргарет фигурирует под псевдонимом Элеонор Роббинс (Ward, *Maud Gonne*, с. 13). Сама Мод в то время не была замужем, отвергнув не одно предложение своего возлюбленного – У. Б. Йейтса. В 1894 г. Мод родила вне брака дочь, которая получила имя Изольда. Она сумела воспитать обеих девочек. В конце концов, в 1904 г. Мод вышла замуж за армейского офицера по фамилии Макбрайд, у которого, как впоследствии выяснилось, была любовная связь с юной девушкой Айлин Уилсон (Тоомей, *Oxford Dictionary of National Biography*).

¹⁶ Alexander, *Estonian Childhood*, с. 16–17.

ней приросло, и Маргарет с тех пор навсегда осталась Мики. Считая себя частью семьи, она ни разу не взяла жалованья; достаточно было сказать, что ей необходимо, и она это получала. Ее вкусы были простыми, а нужды – немногочисленными.

Мики имела огромное влияние на детей – особенно на Муру. Так и не научившись правильно говорить по-русски, она заставляла детей (и всех остальных в семье) говорить по-английски. В результате Мура, когда выросла, говорила по-английски лучше, чем по-русски, на родном языке говорила с английским акцентом.

Ограниченная помещьем Березовая Рудка в годы раннего отрочества, Мура была разочарована изоляцией и скукой этого места и постепенно стала демонстрировать упрямство и чувственность, которые оставались с ней всю ее взрослую жизнь. Если бы Мики была ее настоящей, а не суррогатной матерью, можно было бы сказать, что эта черта – наследственная¹⁷.

Но Мура обладала способностями, которых не было у Мики. И у нее было сильное желание их развить. Необходимость быть в центре завораживающего вихря общественной жизни становилась для нее все более острой по мере того, как она

¹⁷ Нет ничего невозможного в том, что Мики **была** матерью Муры. Раньше у нее был роман с женатым мужчиной старше себя по возрасту, от которого у нее родился ребенок. На размышления наводит тот факт, что Мура родилась вскоре после приезда Мики. Но нет никаких свидетельств в пользу этого предположения.

постепенно превращалась в женщину, а ее талант привлекать к себе и удерживать внимание людей проявлялся все ярче. Она умела очаровывать, восхищать и соблазнять. Ее блестящие лукавые глаза останавливались на ком-либо, и, с кем бы ни разговаривала, она умела заставить почувствовать, что в тот момент он для нее самый важный человек на свете. И по мере того как созревала физически, Мура обнаруживала власть своей сексуальной привлекательности. Она стала опасной молодой женщиной, опасной не в меньшей степени и для себя. Один современник сказал о ней:

Ее лицо излучало мир и спокойствие, а большие, широко расставленные глаза искрились жизнью... ее острый быстрый ум, ее способность понимать собеседника с полуслова и ответ, который можно было прочесть по ее лицу, прежде чем она заговорит... придавал ей ореол душевности и редкости... Ее слегка подведенные карандашом глаза всегда были красноречивы, говоря именно то, что люди хотели услышать: что-нибудь серьезное или смешное, грустное или умное, мягкое или приятное. Ее тело было прямым и сильным, а фигура изящной.

Но в то же время:

Было что-то жестокое в ее лице, которое было чуть широкатым с высокими скулами и широко расставленными

глазами, но у нее была невероятно подкупающая кошачья улыбка¹⁸.

Немногие могли устоять перед ней, и немногие этого хотели.

Первым мужчиной, который, по слухам, попал к ней в постель – или первый, чье имя нам известно, – был Артур Энгельгардт. Обстоятельства были путанные, окутанные выдумками и слухами. Энгельгардт появился в поле ее зрения в 1908 г., когда Муре было шестнадцать лет. Приблизительно в этот период появилась и малютка по имени Кира. Позднее стали утверждать, что Кира – это ребенок Муры от Энгельгардта, но были и веские причины считать, что она была дочерью старшей сестры Муры Аллы, у которой также был роман с Энгельгардтом. Необычная ситуация, когда отец ребенка известен, а мать – под сомнением.

Какой бы ни была правда о родителях Киры, именно Алла вышла замуж за Энгельгардта, и Кира была записана как их дочь¹⁹. Этот брак был обречен, и в жизни Аллу преследовали

¹⁸ Berberova, *Moura*, с. 165–166.

¹⁹ Berberova, *Moura*, с. 359. На это есть ссылка и в ее досье в МИ-5 (заявление о выдаче визы и связанное с этим письмо от И. Т. Бойса). Некоторые утверждения о сексуальном поведении Муры в этот период сделаны Г. Д. Уэллсом и могли быть плодами обыкновенных сплетен, пропущенных через его собственное ревнивое воображение. Он безосновательно заявлял, что она на самом деле состояла в коротком браке с Энгельгардтом (Wells, *H. G. Wells in Love*, с. 164; Уэллс, изъятые страницы из книги *H. G. Wells in Love*).

раздоры и наркомания.

А Мура, оставив позади роман с Энгельгардтом, в 1909 г. сбежала наконец с Украины, где не происходило ничего интересного. Другая ее старшая сестра – близнец Аллы Ася вышла замуж за дипломата и жила в Берлине – одном из самых интересных городов Европы в плане общения богатых людей. Ася была типичная своенравная девушка из рода Закревских; ее брак начался с романа и тайного бегства с возлюбленным. Она пригласила Муру приехать и пожить у нее. «Привози свои самые лучшие наряды, – писала она, – так как будет много вечеринок, придворных балов и других мероприятий, на которые мы станем ходить»²⁰. Как могла Мура устоять? Она упаковала свои платья, попрощалась с Мики и, покрасневшись от волнения, выехала в Германию.

Все сложилось так, как обещала Ася: светская жизнь, блеск и яркие впечатления. Начался новый период в жизни Муры. В Берлине она познакомилась с другом своего брата Бобика, который также был на дипломатической службе. Ася полагала, что этот человек – молодой дворянин десятью годами старше Муры – станет хорошим сопровождающим для семнадцатилетней девушки, которая тоже так думала.

Иван Александрович фон Бенкендорф принадлежал к ветви большой эстонской аристократической семьи. Наряду с другими прибалтийскими провинциями, Эстония была частью Российской империи, и на ее дипломатической службе

²⁰ Прочитировано у Alexander, *An Estonian Childhood*, с. 31.

состояло несколько Бенкендорфов. Иван был подготовлен к тому, чтобы стать представителем следующего поколения, и уже был на пути к этому, унаследовав незадолго до встречи с Мурой большое поместье своего отца в Йенделе. Самым главным из всех прочих преимуществ, которыми обладал Иван, было то, что он был умным молодым человеком, почти лучше всех из своего выпуска закончившим Императорский лицей в Санкт-Петербурге.

Мура положила на него глаз. У нее были связи в аристократических кругах, умение держаться в обществе и индивидуальность, чтобы привлечь к себе внимание такого обыкновенного, консервативного представителя знати, как Иван. Он, вероятно, не понял, что она совсем не была обыкновенной, что она имела собственные взгляды и совершенно независимый дух. После знакомства Мура обратила на него всю силу своей харизмы, и вскоре он оказался во власти ее чар. Начался период ухаживаний.

Мура не была влюблена в него, но его богатство и положение в обществе притягивали ее, да и мать считала его подходящей парой для дочери. С таким мужем Мура не будет ни в чем нуждаться и станет вести прекрасную светскую жизнь. Ей нравилось вращаться в аристократической среде, и она быстро приняла решение, что, пока жива, никогда не будет «обыкновенной».

На придворном балу во дворце Сан-Суси – этом пышно украшенном чуде в стиле рококо, построенном в Потсдаме

и принадлежавшем королевской семье Германии, – Мура и Ася были представлены царю Николаю, который приехал в качестве гостя к своему двоюродному брату – кайзеру Вильгельму. Это был бал, сравнимый с балами, которые давал сам царь в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге и которые славились невероятной расточительностью; три тысячи гостей – представителей аристократии демонстрировали на них свое богатство, разодетые в яркие военные мундиры и великолепные платья, сияющие блеском драгоценных украшений. На балу в Сан-Суси девушки Закревские «в своих прекрасных бальных платьях с вышитыми золотом шлейфами и традиционных русских головных уборах, усеянных жемчугом», произвели такое впечатление, что кронпринц, говорят, воскликнул: «Quelle noblesse!» («Какое благородство!»)²¹

Это было то значительное и вызывающее головокружение общество, которого Мура так жаждала с детства. Она согласилась выйти замуж за Ивана, и свадьба состоялась 24 октября 1911 г. Наконец Мура получила свободу, и ей не придется снова жить в оупляющей атмосфере Березовой Рудки под неусыпным надзором матери.

Следующие три года супруги провели в Берлине, где Иван занимал многообещающее положение в российском посольстве. Иван обожал жену, и гипнотические чары Муры, вероятно, заставили его думать, что это чувство взаимно. Это было не так, но не существовало и какой-либо неприязни –

²¹ Alexander, *Estonian Childhood*, с. 33.

еще не существовало, во всяком случае. Положение Муры в обществе выросло, и она стала центром внимания в посольстве и широких дипломатических кругах Берлина. Она проводила дни на скачках, а выходные – на вечеринках в загородных домах.

Их жизнь не ограничивалась Берлином. У Ивана имелись роскошные апартаменты в Санкт-Петербурге, где они останавливались, когда ему давали отпуск. В царских дворцах устраивали грандиозные балы; царь и царица открывали их официальным танцем – полонезом, в полночь танцы заканчивались, и начинался обильный ужин²². Много лет спустя Мура вспоминала один из таких балов:

Внутри было душно от свечей, цветов и огней; все носили подушечки под мышками, чтобы они впитывали пот, а снаружи было 20 или 30 градусов мороза: гости приезжали в санях, закутанные в меха, шали и пледы, и во дворе дворца жгли костры, чтобы конюхи и кучеры могли погреться, пока ждут седоков. Все было очень красиво, и я помню, как бедный царь уставился мне в вырез платья, когда я сделала реверанс, и как посмотрела на него царица! Так глупо, если вспомнить, что она уже проводила дни с Распутиным²³.

²² Buchanan, *Recollections of Imperial Russia*, с. 46.

²³ Это воспоминание было рассказано молодому Майклу Корде – племяннику кинорежиссера Александра Корды на одном из приемов его дяди (Korda, *Charmed Lives*, с. 214).

Всего чуть больше года новобрачные вели беззаботную жизнь молодых аристократов без каких-либо обязательств. Потом начали появляться дети. Первым был Павел, который родился 29 августа 1913 г. Имея в своем распоряжении богатства Бенкендорфов, молодые родители не испытывали каких-то неудобств в связи с рождением ребенка. Из Березовой Рудки была вызвана Мики, которая продолжила свою работу, окружая заботой второе поколение детей.

С ней приехала Кира. Брак Аллы с Артуром Энгельгардтом был несчастлив, и в 1912 г. они развелись. Алла, непредсказуемая и пристрастившаяся к наркотикам, не могла заботиться о Кире; маленькую девочку она отправила в Березовую Рудку. Когда Мики приехала, чтобы выполнять свои обязанности няни для новорожденного ребенка Муры, Кира поехала с ней и стала жить в доме Бенкендорфов. К ней относились как к члену семьи, еще больше затемняя правду ее рождения.

У Муры было все – богатство, муж благородного происхождения, который ее обожал, место в высшем обществе двух самых космополитичных городов Европы и первый из ее любимых детей. Так не могло длиться долго. Расточительный образ жизни молодой пары ограничила начавшаяся в 1914 г. война. Германия и Россия вступили в конфликт и оказались противоборствующими сторонами, поэтому российские дипломаты были отозваны из Берлина.

Вскоре после начала войны Иван поступил на службу в армию, стал офицером в штабе Северо-Западного фронта и проводил много времени вдали от дома.

Мура потеряла берлинское общество, но Санкт-Петербург (или Петроград, как его теперь из чувства патриотизма называли русские, избегая старого немецкого названия) по-прежнему сохранял чарующую силу столицы империи. Для общения с близкими она могла на время отдыха уезжать в поместье в Йенделе. Мики заботилась о детях, среди которых теперь была уже малютка Таня, родившаяся в 1915 г., так что в светской жизни Муры мало что изменилось. По-настоящему изменилось лишь одно: отсутствовал Иван, и это отсутствие Мура переносила легко.

Мики не могла вытащить Павла из саней. Он потерял игрушечного солдатика, которого держал в маленькой ручке всю дорогу из Петрограда, и не хотел выходить, пока не найдет его. «Еще один отсутствующий солдатик», – подумала Мура. Совсем как отец ребенка, но об отсутствии этого солдатика больше сожалели. Поставив Таню на землю, Мура присоединилась к поискам, переворачивая меховые полости и залезая пальцами в щели между сиденьями. В конце концов пропавший солдатик – гусар с саблей – был найден; он оказался на полу и прятался среди складок меха. Павел выхватил солдатика из руки Муры и победно поднял его вверх, чтобы вызвать восхищение Мики.

Няня улыбнулась – немного натянуто, подумала Мура. Он напомнил Мики о реальном солдате – ее погибшем возлюбленном, полковнике кавалерии? Время от времени Мики приходили письма с почтовыми марками из Ирландии. Все знали, что они от Эйлин, ее дочери. Теперь она была уже взрослой женщиной, сделавшей Мики бабушкой. Всякий раз, когда от нее приходило письмо, Мики становилась раздражительной и была не в духе весь остаток дня²⁴. Но потом она вновь оживлялась. Ничто не могло вынудить Мики долго пребывать в дурном настроении.

Мура повернулась к дому, расправляя плечи в предвкушении. Было много дел. Надо встряхнуть кухонную прислугу после нескольких месяцев отсутствия хозяйки, спланировать вечеринки, пригласить гостей, задумать пикники и увеселительные поездки. Она, конечно, пригласит своих друзей из посольства Великобритании. Мура с ее англоязычным воспитанием испытывала особую привязанность к англичанам. А еще у нее были друзья из военного госпиталя, где она служила медсестрой-волонтером. И целая куча родственников и друзей из общества.

Бенкендорфы будут представлены братом Ивана Павлом, его женой и, возможно, ненадолго самим Иваном, но, хотелось надеяться, не его матерью и особенно не другими его родственницами. Тетушки Бенкендорф были кем-то вроде собственной «нетайной» полиции: они замечали каждый

²⁴ Alexander, *Estonian Childhood*, с. 17.

недостаток в характере и поведении Муры и никогда не стеснялись высказывать свое мнение. Даже Мики, которая любила Ивана, стала ненавидеть тетушек Бенкендорф. В приближающиеся бурные годы ей придется тратить свои силы на защиту детей от их влияния и репутации Муры – от их длинных языков.

Некоторые могут сказать, что репутацию Муры невозможно было защитить – она уже стала легендой в Петрограде и за его пределами из-за ее блеска в обществе. Постоянно возникали и циркулировали интригующие, щекотливые слухи, ей приписывали всевозможные низкие поступки, включая знаменитое утверждение, что она является немецкой шпионкой²⁵. Невозможно было разобраться, насколько эти слухи являлись продуктом разгоряченного воображения и насколько велико в них было (если вообще было) зерно правды, поэтому люди были склонны верить тому, чему хотели верить, о мадам Муре фон Бенкендорф. И так будет всегда.

Думая только о грядущих рождественских праздниках, Мура рассеянно подняла на руки Таню, легко взлетела по ступеням и прошла через изогнутый аркой дверной проем

²⁵ Глава ЧК – тайной полиции большевиков – Яков Петерс, с которым Мура вступила в связь в 1918 г., утверждал в своих воспоминаниях, что «согласно признанию задержанной и документам, найденным у князя П., [Мура] была немецкой шпионкой во время империалистической войны (Петерс, «Воспоминания о работе в ЧК в первый год революции» в журнале «Пролетарская революция», 1925, процитировано в Berberova, *Moura*, с. 128).

в теплый вестибюль. За ней вошли Мики, Павел и Кира, а после них – слуги с последними баулами багажа.

Двери за ними захлопнулись, отгородив от холода и запечатав в доме радость праздника.

Глава 2. Выбор: на чьей стороне? Декабрь 1916 г. – октябрь 1917 г.

30 декабря 1916 г.

Посол Великобритании в России сэр Джордж Бьюкенен стоял у высокого окна в огромном зале для приемов Александровского дворца. Он видел снаружи царя Николая на его ежедневной прогулке в заснеженном саду в сопровождении свиты²⁶.

Дворцы Петрограда были изумительны, но дворец в Царском Селе – загородной резиденции императорской семьи – обладал совершенно особым великолепием. На одном конце парка стоял Екатерининский дворец – огромный, неземной красоты белоснежно-небесного цвета с рядами колонн и высокими окнами, обрамленными богатой лепниной, щедро покрытой сусальным золотом; дворец венчал огромный бельведер из золотых куполов. Рядом располагался Александровский дворец – кремово-желтое чудо меньших размеров, где семья реально жила в относительно преуменьшенном богатстве.

Сэр Джордж приехал в тот день из Петрограда, попро-

²⁶ Бьюкенен с подробностями описывает этот визит в своих воспоминаниях *My Mission to Russia*, с. 42–52. Он указывает дату – 12 января 1917 (NS).

сив у царя аудиенции, чтобы обсудить политическую ситуацию в России. Для посла он проявлял редко встречающийся интерес к внутренним делам страны и пользовался необычно близкой дружбой царя. Один из младших консулов описывал сэра Джорджа Бьюкенена как «хрупкого на вид мужчину с усталым, печальным выражением лица», монокль, утонченные черты и серебристая шевелюра которого «придавали ему отчасти вид сценического дипломата», но он обладал «удивительной способностью внушать лояльность»²⁷. Сэр Джордж был глубоко обеспокоен. Он полагал, что царь и царица имеют слабое представление о том, насколько разделена и несчастна их империя и насколько зыбко их собственное положение. Собственные министры вводили их в заблуждение, а в правительстве было полно шпионов, служивших интересам Германии. В Петрограде теперь сплетничали не о том, что императорская чета кончит тем, что их убьют, а о том, кого из них убьют первым²⁸.

У такого проницательного человека, как сэр Джордж, факты беспорядков вызывали глубокую тревогу. Бунт, сопровождающийся насилием, таился за углом. Он беспокоился о собственной семье и подумывал о том, чтобы отослать свою дочь Мериэл к ее русской подруге Муре фон Бенкендорф, которая жила в своем загородном поместье в Эстонии. Йендель находился достаточно близко к столице и был лег-

²⁷ Lockhart, *Memoirs of a British Agent*, с. 117.

²⁸ Buchanan, *My Mission to Russia*, с. 41.

кодоступен, однако был расположен достаточно далеко, чтобы стать безопасным местом, если искры в Петрограде попадут на пороховую бочку.

Мериэл и мадам Мура добровольно работали вместе медсестрами в городском военном госпитале. Они были хорошо знакомы благодаря дипломатическим связям Муры, которые ввели ее в круг сотрудников британского посольства. Эту молодую женщину, очевидно, воспитывала англоговорящая гувернантка, внушившая ей любовь ко всему английскому. Многие молодые атташе-мужчины были покорены ее обаянием, как и офицеры британского военно-морского флота, корабли которых стояли на якоре в Ревеле²⁹ – эстонском порту³⁰. Родственники ее мужа занимали посты в правительстве империи и были на дипломатической службе. Случилось так, что в этот самый день в Россию пришла печальная весть о смерти в Лондоне графа Александра фон Бенкендорфа – посла России в Великобритании. Его брат Павел был обер-гофмаршалом императорского двора, и оба они были фаворитами императорской семьи, так что эта весть должна была расстроить царя³¹.

Семья пребывала в состоянии шока после убийства Распу-

²⁹ Теперь Таллин.

³⁰ Buchanan, *Ambassador's Daughter*, с. 143.

³¹ Buchanan, *My Mission to Russia*, с. 20; Бенкендорф в «Последних днях в Царском Селе» (вступление переводчика) указывает титул Павла как обер-гофмаршал. Графы Павел и Александр были дальними родственниками Ивана.

тина (царица была убита горем, но некоторые говорили, что царь испытывал облегчение оттого, что избавился от него). Они не выезжали из Царского Села, черпая утешение в простых развлечениях, и не признавались самим себе в том, что в их народе зреют волнения. Несколько недель назад сэр Джордж уже пытался предупредить его величество о том, что влияние Распутина считают вредным и что ходят слухи о заговоре с целью покушения на его жизнь, но царь вежливо отказался слушать³². Внемлет ли он голосу разума сейчас?

Наконец его величество царь Николай II, император и самодержец всея Руси, вернулся с прогулки в парке, и сэра Джорджа вызвали к нему. Едва войдя в комнату, он понял, что пришел напрасно. Всякий раз, когда царь желал говорить с сэром Джорджем серьезно, он приглашал его в свой кабинет, где они сидели и курили. Но сегодня посла провели в

³² Попытка сэра Джорджа Бьюкенена предупредить царя об опасности, грозящей Распутину, которая, по его словам, основана на «пустых слухах» (*My Mission to Russia*, с. 48), внесла свой вклад в теорию о том, что это убийство было на самом деле организовано Секретной разведывательной службой Великобритании. Друг князя Феликса Юсупова (главный заговорщик, во дворце которого был убит Распутин) – англичанин Освальд Рейнер был замешан в этом убийстве, и, возможно, это он предоставил револьвер, из которого были произведены выстрелы. Сэр Джордж навел справки об этом голословном утверждении, но глава Петроградского бюро SIS уверил его в том, что это было «невероятно, на грани ребячества» (Milton, *Russian Roulette*, с. 25–26). Однако утверждалось, что агенты SIS были замешаны в этом, если не несли полную ответственность за убийство (Cullen, *Rasputin*). Хочется задать вопрос, почему Бьюкенен попытался предупредить царя, если его тревога была основана всего лишь на «пустых слухах». Царь сам также был убежден в том, что все дело в британском заговоре.

зал для официальных приемов, и он увидел царя при полном параде. Это означало, что тот желает выслушать сэра Джорджа как посла Великобритании, а не как друга и советчика в политических вопросах. Царь догадался, что предвещает визит посла, и не хотел этого слушать.

Тем не менее сэр Джордж предпринял попытку. Используя все свои резервы обаяния и убеждения, он перевел разговор на политику России и попытался убедить царя назначить нового председателя совета, который будет одобрен Думой и устранит отчуждение, возникшее между правителем и его государством. Напомнив его величеству о своем предупреждении относительно Распутина, сэр Джордж сказал о тревоге, которая царит в правительстве, Думе и во всей стране. Царь ответил, что прекрасно знает о разговорах о бунте, но было бы ошибкой воспринимать их слишком серьезно.

Сделав последнюю попытку, сэр Джордж оставил доводы разума и попытался воззвать к чувствам, ссылаясь на свою давнюю преданность царю. «Если бы я увидел, что мой друг, – сказал он, – идет через лес темной ночью по тропинке, которая, как мне известно, ведет в пропасть, не было ли бы моим долгом, сэр, предупредить его о подстерегающей опасности? Разве не мой долг предостеречь ваше величество о бездне, которая находится перед вами?»³³

Царь Николай был тронут и, когда они прощались, сердечно пожал руку посла. «Я благодарю вас, сэр Джордж», –

³³ Buchanan, *My Mission to Russia*, с. 49.

сказал он.

Но шло время, и становилось очевидно, что перемен не последует. Приблизительно через неделю после встречи в Царском Селе один русский политик, его друг, сказал сэру Джорджу, что еще до Пасхи произойдет революция. Но не нужно тревожиться: революция будет исходить из среды политической элиты и просто заставит царя принять правильную конституцию. Такая революция предотвратит опасность революции рабочих и крестьян, которая была бы более жестокой и страшной³⁴.

Это предположение звучало несколько обнадеживающе. Тем не менее, когда его дочь Мериэл получила приглашение от Муры фон Бенкендорф погостить у нее в Йенделе, сэр Джордж посоветовал ей поехать.

Суббота 26 февраля 1917 г.

Странно, но поездка, целиком изменяющая всю жизнь, может начаться с незначительного шага: с легкомысленного смеха и веселого прощания – и ни малейшего предчувствия грядущего кошмара.

Мура раздвинула тяжелые портьеры в спальне и вгляделась в вечернюю тьму, приблизившись к стеклу, чтобы не мешало смотреть отражение ее собственных блестящих глаз. На земле тяжело и безмолвно лежал снег, зловеще блестя под

³⁴ Buchanan, *My Mission to Russia*, с. 51.

восходящей эстонской зимней луной. Звезды не сияли, и сегодня ночью по лесу будут бегать волки. Мура вздрогнула. Это был хороший вечер для поездки, для перемен.

Сидя на коврике у очага, она радостно напевала себе под нос неотвязную цыганскую песню, которую пела для своих зачарованных гостей накануне вечером, и огонь отражался в ее золотых глазах...

Ее дыхание затуманило стекло, мешая обзору. Действительно хорошая ночь для поездки: пора отряхнуть с каблучков навевающие сон деревенские снега Йенделя и вернуться в город. Длинные рождественские праздники наконец закончились, и наступил день, на который был назначен отъезд в Петроград. Город ей нужен был как воздух, чтобы дышать. Подошел бы любой город на худой конец – в каждом из них имелась своя энергетика, – но Петроград был сама жизнь, бьющееся сердце империи, а люди были кровью этого сердца. Даже с охватившими этот город проблемами – антивоенными настроениями, Советами рабочих, которые подстрекали к бунту, дефицитом, протестами и забастовками – он все равно был дыханием жизни для Муры, и она любила ощущать ее пульс.

Она подумала о бале во дворце на Мойке и смерти Распутина. Жесткое наказание по воле царицы еще больше всколыхнет народные массы, Мура была достаточно умна, чтобы это понимать, но она не была настолько робкой, чтобы бояться последствий. Пф! – пусть бегут волки! Она умеет бе-

гать быстрее.

Она не знала – да и никто в Йенделе не знал, что топот их ног и шум их дыхания уже стали слышны в городе.

Горничная захлопнула застёжки на последнем саквояже, и Мура вышла из своего мечтательного настроения, отвернувшись от окна. Горничная сделала короткий реверанс, сняла саквояж с подставки и вышла за дверь. Чемодан уже снес вниз лакей. Снаружи послышался слабый звон колокольчиков. Мура выглянула в окно; по подъездной аллее скользили сани, а лошади стучали копытами по утрамбованному снегу. Им так же не терпелось уехать, как и Муре.

Мура бросила на себя последний взгляд в зеркало, поправила меховую шапочку и последовала за своим багажом вниз.

В тот вечер веселая болтовня и смех детей заполнили прихожую Йенделя. После торопливого ужина небольшая компания, состоявшая из детей Муры и двух ее самых близких подруг, собралась в вестибюле дома, пока готовили сани, напоследок вбирая в себя тепло и комфорт, прежде чем отважиться выйти на холод. Две молодые женщины сидели, уютно устроившись в креслах у огня, и болтали. Одной из них была Меризэл Бьюкенен – дочь посла Великобритании; у нее было вытянутое, довольно унылое лицо, но ее похожий на розовый бутон рот расплылся в улыбке при виде Муры, спускающейся по лестнице. Другая молодая женщина, Мириам Арцимович, несмотря на ее имя, родилась в Америке. Они

были последними и самыми дорогими из гостей, приезжавших на праздники, и задержались, чтобы вкусить праздники до самого последнего глотка. Обе женщины были тепло одеты.

«Мои дорогииииие», – театрально пропела Мура, входя в вестибюль. Несмотря на то что по-английски она говорила лучше, чем по-русски, ей нравилось добавлять в свою речь низкие славянские ноты.

Пока женщины вставали, как будто перед ними появилась царственная особа, вокруг нее собрались дети. Павел, сын своего отца, и Таня, дочь своей матери, – и, конечно, Кира неопределенного происхождения. Мура наклонилась, чтобы расцеловать своих любимых малышей, и вмешалась Мики, чтобы навести порядок. Она была одна из немногих людей, которых Мура любила и кому полностью доверяла.

Отступив в сторону, Мура приняла театральную позу, демонстрируя подругам свой изысканный, отороченный мехом дорожный костюм. Они выразили должное восхищение, и в ожидании, когда их позовет кучер, все три женщины завели бойкий разговор – они были так же, как и дети, возбуждены перед предстоящим путешествием.

Их разговор касался и светских сплетен, и обсуждения предстоящей поездки, и войны. Все три женщины добровольно работали медсестрами в больнице Святого Георгия, где среди солдат циркулировали слухи об особом уходе, ко-

торый предоставляла раненым офицерам Мура³⁵. Но о ней всегда ходили какие-нибудь сплетни. Всегда находились достаточно легковверные люди, чтобы в них верить, а сама Мура с радостью поощряла их.

Совершенно не фигурировали в разговоре какие бы то ни было упоминания о последних событиях в Петрограде. Вести о мятеже, которые начали поступать днем раньше, еще не достигли Эстонии; газеты просто сообщали о разграблении магазинов и забастовках на заводах. Их тональность во многом оставалась точно такой же, как и за неделю до праздников, и люди настолько привыкли, что их праздничное настроение не было омрачено.

Когда подошло время, путешественники – три дамы, трое детей, Мики и горничная Муры – вышли в морозную тьму и втиснулись в открытые сани, укутавшись в полости и меха. Пока женщины суетились и болтали, домашние слуги ждали, послушно замерзая в освещенной арке двери огромного вестибюля, чтобы поклониться на прощание.

«Ноги должны быть в санях, Павлуша! – Мура посадила сына к себе на колени. – Иначе их откусят волки!»

³⁵ Сэр Майкл Постан, интервью с Эндрю Бойлом, CUL Add 9429/2B/123. Сэр Майкл Постан родился в Бессарабии, но покинул Россию после революции. Можно сомневаться в достоверности его утверждения. Если была причина полагать, что она была и немецкой шпионкой, и женщиной легкого поведения, кажется маловероятным, чтобы такой человек, как сэр Джордж Бьюкенен, который был далеко не глупым человеком, позволил бы своей дочери так сдружиться с ней или потерпел бы, что военные атташе посольства так много общаются с ней.

«Здесь есть волки?» – спросил мальчик.

«Волки есть всегда, – сказала Мура. – А такими ночами, как эта, они просто жаждут полакомиться ножками беспечных малышей! Но мы оставим их позади! Пошел!»

Кучер тряхнул вожжами, и сани рванулись вперед со звонком колокольцев; полозья свистели, а топот копыт лошадей мягко заглушался снегом.

Это была короткая, но обжигающе холодная поездка на местную деревенскую станцию в Аэгвйду. Они забронировали себе купе в петроградском поезде. Ночь выдалась морозной; небо было ясным, усеянным звездами, а восходящая луна светила сверху на неподвижные, безмолвные снежные просторы³⁶. Они ехали по дороге, которая шла от дома прямо, мимо замерзших озер, а затем петляла по лесу. Тихое движение саней в ледяных тенях леса наполнило женщин суеверным трепетом и возбуждением. Тут и там виднелись хижины дровосеков со светящимися желтыми окошками, которые наводили Мериэл на мысли о сказочных ведьмах.

Станционное здание Аэгвйду представляло собой покосившееся деревянное сооружение с большими претензиями, которое одиноко стояло на ровном пространстве меж-

³⁶ Мериэл Бьюкенен (*Petrograd*, с. 93) пишет, что ночь была «безлунной», но 26 февраля 1917 г. (OS) светила полная луна, которая во время отъезда из Йенделя находилась на небе низко (www.timeanddate.com/calendar/moonphases.html?year=1917&n=242;wwp.greenwichmeantime.co.uk/time-gadgets/moonrise/index.htm).

ду деревенской дорогой и железнодорожными путями. В зале ожидания было полно солдат и немых крестьян в овчинных тулупах. К счастью, благородным молодым дамам не пришлось долго терпеть эту компанию, так как вскоре они услышали пыхтение и свисток подъезжающего поезда.

Вагоны были битком набиты пассажирами, которые сели в Ревеле. Даже в коридорах было полно народу. И снова молодые леди были избавлены от грубой близости чумазных крестьян. Имя Бенкендорфа вместе с дипломатическими связями Мериэл предоставило им отдельное купе благодаря начальнику окружной полиции. В последний раз их положение в обществе вызвало к ним особое отношение³⁷. Заперев дверь купе, женщины расположились для ночного путешествия в привычном комфорте, тогда как в коридорах представители пролетариата храпели, сидя на скамьях или растянувшись на полу.

В восемь часов утра следующего дня поезд, окутанный клубами дыма, прибыл на Царскосельский вокзал Петрограда, и путешественницы увидели первые настоящие признаки беспорядков³⁸. Роскошные залы вокзала казались необычно мрачными и тревожными, хотя трудно было сказать, в чем дело. С посольским автомобилем их встречал Уильям – во-

³⁷ Бюкенен, *Petrograd*, с. 94.

³⁸ Царскосельским называли вокзал потому, что изначально Царское Село было главным пунктом назначения поездов, которые с него отправлялись. Позже он стал (и до сих пор является) главным вокзалом, с которого отправляются поезда в Прибалтийские государства. Сейчас вокзал называется Витебским.

датель и дворецкий сэра Джорджа Бьюкенена³⁹. Его сопровождал – и это было удивительно – военный атташе бригадный генерал Нокс, великолепный, но внушавший тревогу в своей военной форме; его лицо было сурово⁴⁰.

Мура спросила, в чем дело, и он устремил на нее суровый взгляд. В городе беспорядки, сказал он ей, и забастовки.

«Пффф, здесь всегда беспорядки, – сказала Мура, – и каждый день забастовки».

«Действительно, мадам, но последние – более серьезные. Транспортным средствам запрещено ездить без пропусков».

Щеки Муры немного побледнели, но она все еще не убедилась в том, что столь мрачный настрой оправдан. Пока Уильям угрюмо пристраивал груды багажа на ручную тележку, дамы последовали за генералом через гулкие залы огромно-

³⁹ Chasseur (посыльный) был человеком, совмещавшим должности помощника, слуги, дворецкого и телохранителя посла. Эта работа носила церемониальный оттенок и часто требовала, чтобы Уильям надевал униформу, носил шпагу и шляпу с пером (Buchanan, *The Dissolution of an Empire*, с. 5; Cross, *Corner of a Foreign Field*, с. 348).

⁴⁰ Buchanan, *Ambassador's Daughter*, с. 145. Нокса недавно повысили в звании: вместо полковника он стал бригадным генералом (*Burke's Peerage*, т. 3, с. 3271). Капитан Френсис Кроуми, командующий флотилией подводных лодок Королевского военно-морского флота, стоявшей на Балтике в Ревеле, также присутствовал на этой встрече; он приехал в Петроград на том же самом поезде в недельный отпуск (Кроуми, письмо адмиралу Филлимору, март 1917, у Джонса, 'Documents on British Relations' II, с. 357). Кроуми был другом Мериэл и Муры, но, несмотря на то что он пишет, будто «приехал с мисс Бьюкенен», он, вероятно, просто ехал в том же самом поезде, а не путешествовал вместе с ними, так как о нем нет упоминаний ни в одном другом источнике.

го вокзала. Посольский автомобиль ждал их. Женщины посмотрели на машину, на детей и друг на друга. Как они все в ней поместятся? Мериэл предложила взять для слуг и багажа наемный экипаж. Длинное лицо генерала Нокса вытянулось еще больше, и он покачал головой. Наемных экипажей нет. Извозчики бастуют.

«А не поехать ли слугам на трамвае? – предложила Мура. – Тогда багаж мы можем взять с собой».

Генерал Нокс подавил нетерпеливый вздох. Он был на ногах с шести утра, и ему предстояло еще множество дел в тот день; сотрудники военного атташата британского посольства были в состоянии готовности⁴¹. «Трамваев нет», – сказал он. Нокс старательно избегал говорить им всю правду о том, что произошло в городе за последние два дня. Последнее, что ему было нужно сейчас, – это оказаться с бьющимися в истерике женщинами на руках. «Они бастуют, – повторил он. – *Все бастуют. Нам придется каким-то образом все поместить в автомобиль*»⁴².

К этому моменту на снегу у здания вокзала стали скапливаться другие пассажиры, сошедшие с поезда. Они становились все более беспокойными и раздраженными, не пони-

⁴¹ Кнох, *With the Russian Army*, с. 553.

⁴² Buchanan, *Petrograd*, с. 94–95. Капитан Кроуми, который присутствовал на прибытии, написал, что Нокс «считал эти беспорядки пустяковым делом» (письмо адмиралу Филлимору, март 1917 г., у Джонса, 'Documents on British Relations' II, с. 357). Так как Ноксу считал их таковыми, это подтверждает то, что он умалял серьезность ситуации, чтобы не тревожить дам.

мая, каким образом доберутся до дому. Одному мужчине удалось найти небольшие санки; он погрузил на них свой багаж и пошел по улице, а оставшаяся толпа принялась спорить с беспомощными вокзальными носильщиками.

Мура, ее друзья, трое малолетних детей, генерал Нокс, Мики, горничная Муры вместе со всем багажом втиснулись в машину, которая тронулась, сопровождаемая множеством завистливых глаз. По указанию генерала Уильям выбрал объездной путь, избегая главных магистралей – Невского проспекта и Морской улицы. Они петляли, чтобы добраться до Адмиралтейского района, где заседало российское правительство, где располагались апартаменты Муры и где стояло большое здание посольства Великобритании на набережной между Зимним дворцом и Летним садом⁴³.

Самодовольное спокойствие Муры постепенно исчезало, по мере того как машина ехала по заснеженному городу. Они миновали брошенный трамвай, все окна которого были разбиты, и солдат, вооруженный винтовкой, остановил их, чтобы проверить пропуск. Он убедился, что пропуск в порядке, и разрешил им ехать дальше по безлюдным, унылым улицам, по которым спешили люди, ездили желтые трамваи и сани, когда Мура в последний раз была здесь. Стояла тишина, предвещавшая приближающуюся беду⁴⁴. Двери и витрины магазинов были забиты досками. Немногие люди, кото-

⁴³ Buchanan, *Ambassador's Daughter*, с. 146–147; *Recollections*, с. 267–268.

⁴⁴ Buchanan, *Recollections*, с. 267–268.

рые были на улицах, торопливо шли, опустив голову, словно боясь нападения. То тут, то там встречались контрольно-пропускные пункты, где стояли группы солдат и вооруженных полицейских, которые с напряженным подозрением оглядывали машину, когда та проезжала мимо, но не делали попыток остановить ее. Мура дрожала, ощущая нависшую враждебность, и бессознательно прижимала к себе детей. В городе было нечто большее, чем просто забастовки и бунты. Здесь была смерть.

Маршрут, предложенный предусмотрительным генералом Ноксом, привел их к Исаакиевскому собору и модной Английской набережной. Когда машина в полном одиночестве ехала вдоль замерзшей Невы, пассажиры ощутили атмосферу тихого ужаса; она окружала Зимний дворец и Петропавловскую крепость, расположенную напротив него на острове, – старую цитадель Санкт-Петербурга с имперским флагом, жалко висевшим в воздухе. Мосты через реку были пусты. Казалось, город сжался в комок перед волком в ожидании, когда тот набросится на него.

Муру и детей высадили у ее квартиры. Машина поехала дальше, в посольство, где Мериэл встретили встревоженные родители. Сэр Джордж, сожалея о том, что она вернулась из Йенделя так быстро, запретил ей выходить на улицу⁴⁵.

Три молодые женщины благополучно добрались до дома, и вовремя.

⁴⁵ Buchanan, *Petrograd*, с. 94–97.

Позднее в то же утро набухшие грозовые тучи наконец разразились бурей: безмолвные улицы оказались переполненными толпами бунтовщиков и протестующих, которые что-то кричали и скандировали, сопровождаемые стуком лошадиных копыт и треском ружейных выстрелов. Солдаты царя решили встать на сторону рабочих; они вышли, неистовствуя, из своих казарм, и на улицах Петрограда вступили в бой: солдаты и революционеры воевали с казаками и полицейскими.

Это была кульминация насильственных действий, которые время от времени имели место на протяжении многих дней. Терпению людей пришел конец. Крестьяне и рабочие наконец дошли до той точки, когда не могли уже больше терпеть беспорядок и несправедливость, которые привели к пустым магазинам и пустым желудкам для бедных и безграничной роскоши для богатых. Нескончаемый поток солдат, которые возвращались на родину из окопов, где были ужасающие условия, лишь для того, чтобы вести полуголодную жизнь в России, еще более дестабилизировал и без того беспокойную обстановку.

Пока Мура и ее гости веселились в заснеженном Йенделе и отдыхали, наслаждаясь комфортом особняка, согретого теплом камина, в Петрограде по улицам текла кровь. Власти расклеили объявления, запрещавшие демонстрации. Люди не обращали на них внимания. И тогда, в воскрес-

ные 26 февраля, правительство поднесло горящую спичку к бикфордову шнуру. Пока молодые женщины в Йенделе ездили на обеды и предвкушали свое возвращение домой, участники демонстраций, собравшиеся в пригородах Петрограда, стекались в правительственный район. На каждом крупном перекрестке располагались военные опорные пункты, повсюду ходили патрули, состоявшие из солдат и вооруженных полицейских. Когда демонстранты шли по Невскому проспекту – главной магистрали, ведущей в центр города, прозвучали первые выстрелы. Эти инциденты были единичными: нервничающие, неопытные войска, возглавляемые полными страха и гнева офицерами, стреляли в людей и десятки из них ранили. Демонстранты разбежались, а некоторые принялись швырять в солдат обломки кирпичей. На Знаменской площади насилие достигло кровавой развязки, когда какой-то полк открыл огонь, и пятьдесят человек были убиты⁴⁶.

С этими выстрелами Россия встала на путь, с которого не было дороги назад. Для Муры и для каждого русского мир вот-вот должен был измениться.

Здания были забаррикадированы; Дворец правосудия – подожжен, и любая постройка, в которой размещалась полиция, стала объектом ярости толпы. Она штурмовала тюрьмы и освобождала заключенных. К утру понедельника, когда в

⁴⁶ Figes, *A People's Tragedy*, с. 312–313. После революции Знаменская площадь была переименована в площадь Восстания.

Петроград приехали Мура и ее друзья, отдохнувшие и беззаботные, на город навалилось тревожное временное затишье – перерыв для того, чтобы перевести дух, – прежде чем насилие разгулялось с еще большей жестокостью. В боях, которые велись в тот день, пехотный полк воевал с казаками и полицией, защищая восставших горожан. Всего несколькими днями раньше ситуация была обратная: казаки воевали против полиции, тогда как армия убивала людей. Никто не знал, кто на чьей стороне: район за районом и полк за полком, симпатии офицеров и рядовых колебались. Никто не был верен кому-то – никто, кроме голодающих рабочих и правящих аристократов. Они выбрали каждый свою сторону конфликта благодаря рождению и обстоятельствам.

Среди аристократов было по крайней мере одно исключение. В то время как на улицах города за окнами ее квартиры разворачивалась Февральская революция, а звуки оружейной стрельбы и вопли толпы эхом отражались от величественных фасадов, Мура фон Бенкендорф внимательно наблюдала за происходящим и знала одно: какая сторона выиграет сражение за матушку-Россию, к той стороне она и прикмет. Другие, возможно, будут страдать и умирать, но Мура выживет.

Она еще понятия не имела, насколько тяжела будет плата за ее выбор, когда в конечном счете его сделала.

Представителей правящих классов, экспатриантов и дипломатов эти изменения затрагивали медленно. Несмотря на

беспорядки и убийства столь большого числа гражданских лиц на Невском в Кровавое воскресенье, днем того же дня английские дамы собрались, как обычно, на свои регулярные швейные посиделки в посольстве. Не испугавшись стрельбы, они смело шли по опасным улицам мимо солдат и горящих домов. В бальном зале посольства были расставлены столы, на которых лежали тюки фланели, груды корпии, ваты, ножницы и стояли швейные машинки. Дамы делали из этого материала наборы для санитарных поездов, отправляющихся на фронт, или военного госпиталя.

Все было закрыто, пока длилась эта буря. Магазины и рестораны перестали работать, редакции газет пустовали, и везде можно было увидеть красные флаги. Сторонники революции прикалывали красные ленточки к своей одежде. Вскоре их носили все: поступать иначе означало накликать на себя беду. Революционеры требовали свергнуть правительство и царя, установить республику и положить конец так называемой «войне за отечество». Пролетариат сплотился, и постепенно сформировалось согласованно действующее революционное движение. Советы рабочих становились влиятельной политической силой. Насилие стихло, и начались переговоры. Когда Дума собралась заново, Советы рабочих получили официальное приглашение выбрать представителей.

2 марта пала ключевая фигура в старой структуре правительства: царь Николай II, который продолжал жить в Цар-

ском Селе на протяжении всего кризиса, отрекся от престола. Казалось, его мало волновали боевые действия в столице. Две из его дочерей были больны корью, и он едва ли заметил, что происходит во внешнем мире. Ему сообщали, что на самом деле нет никакого организованного сопротивления восставшим: даже его собственная императорская гвардия перешла в лагерь противника. Понимая, что поражение неизбежно, царь отказался от трона.

С его отречением в сердце России открылся вакуум, который, как считали даже крестьяне и Советы, должен был быть заполнен лидером традиционного типа. Сторонники революции призывали к созданию новой республики – не республики, во главе которой стоял бы «новый царь». Этот титул утратил связь с империей и, по-видимому, превратился в миф о героической верховной власти; люди представляли себе избранного правителя, олицетворяющего волю и характер России и ее народ⁴⁷.

Такой человек был рядом. Пустота, оставленная отречением царя от престола, притянула к себе человека, обладавшего положением, харизмой и волей, чтобы взять на себя роль воодушевляющего лидера. Мура его тоже заметила.

Александр Керенский вышел из Советов, но он не был рабочим. Он был юристом, пламенным социалистом, завора-

⁴⁷ Некоторые иностранные наблюдатели, включая Мериэл Бьюкенен и ее отца, по-видимому, неправильно понимали призывы к установлению республики во главе с «царем»; они считали, что простым рабочим не удалось понять идею демократии (E. G. Buchanan, *Petrograd*, с. 107).

живающим оратором и честолюбивым политиком. Он также был тщеславным, эксцентричным человеком и известным волокитой. Керенский родился в 1881 г. в том же самом провинциальном городе, что и Ленин (их отцы были знакомы). Несмотря на то что он был на десяток лет моложе, карьера Керенского продвигалась быстрее. В то время как Ленин все еще был идеологически заперт внутри горнила горячего, бескомпромиссного большевизма и находился в трудном финансовом положении в Швейцарии, Александр Керенский был человеком нового революционного века.

Его взлет оказался быстрым. Как вице-председатель Петроградского Совета Керенский был приглашен войти в новое Временное правительство – первое из череды нестабильных коалиций, которые будут править Россией на протяжении полной оптимизма весны и бурного лета, которые последовали за первой революцией. Так как коалиция боролась за сохранение своей власти, Керенский поднялся от министра юстиции (на этой должности он упразднил смертную казнь и восстановил гражданский порядок) до военного министра. К лету он уже стал премьер-министром и перебрался в Зимний дворец.

Внешне этот человек со строгими, неинтересными чертами лица выглядел малопривлекательным. Его волосы были аскетически подстрижены и стояли ежиком. Будучи военным министром, он носил военную форму простого солдата (хотя и изысканного покроя). Но в нем был огонь. Британ-

ский вице-консул, который видел, как Керенский выступал в Большом театре в Москве (популярное место для выступлений с революционными речами), был свидетелем его потрясающего ораторского искусства: даже состоятельные люди находились под гипнозом его «евангелия страданий» в речи, которая длилась два часа и призывала к самопожертвованию и помощи войскам, находившимся на фронте, и бедным рабочим:

Он поднимал глаза к ложам балкона, когда своими яростными отрывочными фразами доводил себя до иступления...

Закончив речь, он, обессиленный, отступил назад, и его поддержал адъютант. В свете огней рампы его лицо было смертельно бледным. Солдаты помогали ему сойти со сцены, когда в приступе истерии все встали и хриплыми голосами приветствовали его... Жена одного миллионера бросила на сцену свое жемчужное ожерелье. Каждая присутствовавшая женщина последовала ее примеру, и град драгоценностей посыпался с каждого яруса огромного театрального зала. В ложе рядом с моей генерал Вогак – человек, который служил царю всю жизнь и ненавидел революцию, считая ее бедствием, рыдал, как ребенок⁴⁸.

Истории неизвестны конкретные обстоятельства, которые

⁴⁸ Lockhart, *British Agent*, с. 178–180.

привели Муру к знакомству с Керенским. Возможно, это произошло через его жену Ольгу, которая добровольно работала в военном госпитале медицинской сестрой. Или в посольстве Великобритании, где у Муры было много друзей и где Керенский был частым гостем сэра Джорджа Бьюкенена. Каковы бы ни были обстоятельства, когда баланс сил сдвинулся, Мура увидела свой шанс и сделала шаг. Пока народ примерял на плечи Керенского мантию русского Бонапарта и пока ее муж Иван все еще был на войне, Мура обратила неотразимую силу своей личности на нового премьер-министра и стала его любовницей.

Это было сделано со всей осторожностью, и только самые злостные сплетники разнесли в обществе слухи об этом, чего нельзя было сказать о другой любовной связи Керенского в то время – с кузиной его жены Лилей, которая открыто жила с ним в Зимнем дворце⁴⁹. Керенский любил Муру, но были убедительные причины для осторожности с обеих сторон: он подозревал, что она работает на британскую разведку⁵⁰. Возможно, у него были веские основания так думать.

В Петрограде в 1917 г. существовала небольшая группа русских, которые симпатизировали Германии. Некоторым просто нравились сделанные в Германии вещи, а дру-

⁴⁹ Abraham, *Alexander Kerensky*, с. 301.

⁵⁰ Князь Алексей Щербатов, письма Сергею Трубецкому и Эндрю Бойлу через Роберта Кейзерлинга, 27 & 29 сент. 1980 г., CUL Add 9429/2B/55–60. Князь Алексей (1910–2003) во время революции был ребенком и познакомился с Керенским и Мурой в дальнейшие годы жизни.

гие были сторонниками Германии в войне. Все они считались потенциальными предателями. Объединенные агентами немецкой разведслужбы, они собирались, чтобы обсудить свою политику в салоне сочувствующей Германии дамы, известной как «мадам Б.». Эта женщина, видимо, была не кем иным, как Мурой Бенкендорф. Она бегло говорила по-немецки, знала много немцев со времен своей жизни в Берлине, любила разные общества и имела склонность к политике (она и Иван были активными членами аналогичного англо-русского общества).

Но ни немецкие агенты, ни прогермански настроенные русские не знали того, что мадам Б. работала на контрразведку Керенского и тайно сообщала о разговорах и деятельности своих гостей. Вполне естественно, и что, наверное, не вполне было по нраву Керенскому, британская разведка заинтересовалась мадам Б., и один из ее шпионов – капитан Джордж Хилл – посетил один из ее приемов. Хилл был хорошо знаком с Мурой и позднее стал ее добрым другом, равно как и партнером по шпионской работе⁵¹. Здесь, возможно, кроется объяснение постоянных слухов о том, что Мура – немецкая шпионка, и причина того, что ее знакомые в британской разведке и британской дипломатической службе, по видимому, никогда серьезно не относились к этим слухам.

⁵¹ Хилл пишет о работе мадам Б. в своих воспоминаниях (*Go Spy the Land*, с. 87–88). Он, безусловно, хорошо знал Муру и был не единственным, кто осмелительно называл ее мадам Б. Генерал Нокс делал то же самое в своем опубликованном дневнике.

Они знали, что она водит немцев за нос.

В глазах Керенского привязанность Муры к ее английским друзьям, вероятно, намекала на двойную или тройную цель ее любовного романа. Плененный ею и являющийся объектом шпионской деятельности Керенский, по-видимому, не возражал. Это был большой талант Муры, дар, который она будет постоянно оттачивать на практике: способность играть на одной стороне против другой и добиваться преимуществ для себя, совершенствоваться в предательстве и заставлять преданно любить и прощать себя. Для Муры платой за грехи было выживание.

Но она еще не довела до совершенства ни свои уловки, ни ум и не знала о просчете, который допустила. Пока Керенский выступал с речами, а Мура стремилась к выживанию и удовольствиям, война продолжалась – продолжался и дефицит. Мир вернулся на улицы Петрограда, но удовлетворенность – нет. Харизма Керенского была валютой, которая давала все меньшие прибыли в течение 1917 г. Тем временем Мура жила на проценты.

Образ ее жизни оставался таким же активным, как и всегда: были и обеды, и вечера в опере и театре, где спектакли шли при аншлаге для богатых, тогда как бедные продолжали голодать. Подобно женщинам своего круга – по крайней мере, умным женщинам – она изменила внешность. Дорогие платья с изысканными шляпками и аксессуарами были забыты; на первый план вышла одежда более простого покроя

или даже пролетарские платки грязно-коричневого цвета – по крайней мере, в городе. Быть богатым аристократом, возможно, было еще приемлемым, но выглядеть таким человеком на людях – нет.

Не изменилось одно – ежегодные поездки: в конце лета Мура с детьми покинула Петроград и снова отправилась в Йендель.

Взрыв пронзительного смеха влетел в раскрытое окно – где-то внизу внезапно послышались шокирующе веселые мужской и женский голоса. Мура выглянула, чтобы посмотреть, в чем дело. Неправильно, чтобы кто-то развлекался, а она не была бы в центре этого.

Йендель изменился с того времени, когда она последний раз смотрела в это окно. В поместье произошло сезонное преобразование. Замерзшие земли оттаяли и превратились в холмистое поле и луг, подернутые дымкой под летним солнцем. Ледяные полотна стали спокойными озерами, а пугающие заснеженные леса – тенистыми, благоухающими сосновыми рощами.

И все же независимо от времени года в Йенделе больше не было той всегдашней беззаботности. На западе приближался военный фронт, по мере того как немцы заставляли русских отступать, и в ревельском порту начались беспорядки среди русских матросов, которые подхватили вирус большевизма и пытались распространить его на своих английских

союзников.

Не имея возможности увидеть, откуда доносится смех, Мура запахнула свой пеньюар и пошла вниз посмотреть. Она обнаружила большинство своих гостей сидящими на террасе за поздним завтраком – женщин в домашних платьях, мужчин без пиджаков, некоторых гостей – еще в пижамах и халатах. Йендель никогда не был местом, где придерживались формальностей, – пока в нем царила Мура.

Когда она появилась, все гости посмотрели на нее. Среди них был капитан Френсис Кроуми – командир британской подводной лодки, флотилия которого стояла в ревельской гавани, а сердце хранило особую преданность Муре. Это был статный мужчина с квадратной челюстью и выразительными глазами – бравый моряк, гроза немецких кораблей на Балтике, но Мура сумела устоять против его мужской притягательности. Конечно же здесь была Мериэл Бьюкенен вместе с Мириам и баронессой с подходящим именем Фэри Шиллинг (волшебный шиллинг в переводе с английского) – миловидным, веселым молодым созданием. Также гостем был Эдвард Кьюнард из семьи коммерсантов, занимающихся морскими перевозками, который занимал должность секретаря в британском посольстве. Наконец, здесь был Денис Гарстин – младший кавалерийский офицер, который работал в Британской пропагандистской миссии. Этот начинающий писатель стал заниматься пропагандой благодаря своему другу Хью

Уолполу⁵². Денис был умным, энергичным, оптимистичным молодым человеком, несмотря на то что участвовал в сражениях при Лоосе и Ипре. Будучи идеалистом, он проявил интерес к революции; полагал, что она была вызвана войной и является «величайшим событием в истории нашего времени»:

Революция подняла уровень войны и наших идеалов и ограничила все стремления к империализму, чтобы идеалы, за которые мы начали сражаться и забыли о них, стали провозглашаемыми нами условиями мира – всеобщая демократия⁵³.

Мура испытывала теплые чувства к Денису и называла его Гарстино из-за его литературных притязаний. Кроуми был просто Кроу.

Вчера вечером все были на пикнике, устроенном при свете огромного костра в лесу, и сидели, наблюдая за тем, как искры летят вверх, под темный купол неба⁵⁴. Теперь они были готовы к другим забавам. Мериэль предложила искупаться в озере. Эдвард возразил, что у него и Дениса нет купальных костюмов: вряд ли они могут купаться голыми, верно?

⁵² Walpole, *Denis Garstin and the Russian Revolution*, с. 587.

⁵³ Гарстин, письмо, июль 1917 г., воспроизведено у Walpole, *Denis Garstin and the Russian Revolution*, с. 594.

⁵⁴ Buchanan, *Petrograd*, с. 125–126.

Можете! – единогласно постановила вся компания, вызвав веселье и негодующие протесты, которые вытащили Муру из постели. Скромность молодых людей сберегла баронесса Шиллинг, которая нашла им подходящие костюмы. «Наша добродетель вне опасности! – сказал Денис. – Какая милая Фэри!»

Пока молодежь резвилась в сверкающей воде озера, Мура заметила свою свекровь, которую также привлекли смех и вольные шутки; она прогуливалась поблизости, высматривая доказательства скандального поведения. Как вдова титулованного лица, она имела свой собственный небольшой дом в поместье на дальнем конце озера. (Это поместье носило то же название, что и озеро, – Каллиярв.) Она была невысокого мнения о пользующейся дурной репутацией жене своего сына: развратница, предающаяся блуду, в то время как бедный Иван находится на войне. Обнаружив, что гости не голые и не происходит никакого блуда, старая дама ушла разочарованная.

Летние деньки 1917 г. – последнего золотого лета старого имперского века подходили к концу. Скоро наступит время возвращаться в Петроград. Даже для Муры этот город в какой-то степени утратил свою привлекательность. Используя в полной мере возможности поместья Йендель, они наслаждались каждым мгновением удовольствий. Помимо полуденных пикников и утренних купаний, было еще катание на *liniaker* – ненадежной тележке с единственным сиде-

нием в виде доски, на которой можно сидеть, держа за талию впереди сидящего человека. Дениса забавляли истерические вопли Фэри, когда они тряслись в тележке по неровной дороге, которые напугали бедную лошадь настолько, что она побежала еще быстрее. Они проводили вечера в Ревеле – маленьком сонном портовом городе с собором под золотым куполом и древними улочками со старыми домами, теснившимися вокруг укрепленного морского форта. Признаки войны и революционного пыла присутствовали даже здесь, в этом причудливом уголке. Был пыл и иного рода, если верить Денису Гарстину, который дразнил Кроуми, намекая на его страстное увлечение Мурой: что тот сидит на борту своей подводной лодки, забыв о служебных обязанностях и вздыхая о своей не востребованной любви к русской.

Все это являло собой полную противоположность борьбе, которая осталась в Петрограде, и ожесточенному противостоянию на германском фронте. Один за другим гости возвращались к своей обычной жизни. Перед отъездом Гарстино записал нескладные стишки о времени, проведенном в Йенделе, которые заканчивались так:

О боже, и я должен сесть в поезд
И снова ехать в Петроград.
А пока я буду заниматься пропагандой,
Мои мысли будут стремиться назад,
Назад, в Йендель, чтобы

Остаться в Йенделе навсегда⁵⁵.

Эта идиллия не могла длиться долго. Годом позже оптимист Денис Гарстин будет мертв – убит в бою на северном побережье России. Страдающий от безнадежной любви Френсис Кроуми тоже окажется в могиле, сраженный в жестокой перестрелке при защите британского посольства от нападавших большевиков.

Когда лето поблекло и наступила осень, Мура возвратилась в Петроград. Хватка Керенского, державшего в руках власть, ослабевала с каждым днем. Человек новой эпохи оказался всего лишь человеком на короткое время: на протяжении летних месяцев происходили единичные восстания большевиков, которые все учащались и становились все более ожесточенными.

Керенский принял жесткие меры к своим врагам, но было слишком поздно: многие его бывшие сторонники перешли к большевикам, которые превратились в сплоченную силу под вдохновляющим руководством Ленина и Троцкого. Революционеры арестовывали, их газеты закрывали, но Керенский потерял контроль над ситуацией. Люди голодали, они устали от войны, на продолжении которой он настаивал; они больше не поддавались чарам его ораторского искусства или харизмы.

⁵⁵ Прочитировано у Buchanan, *Ambassador's Daughter*, с. 170–171.

Советы вооружились и 25 октября нанесли удар. Мосты и ключевые точки во всем Петрограде были захвачены, а Зимний дворец, где находились канцелярия и жилые комнаты Керенского, подвергся нападению. Керенский бежал из своего убежища и пытался организовать вооруженное сопротивление силам большевиков. Его известных соратников в Петрограде начали арестовывать, а тех, которым удалось скрыться, – преследовать⁵⁶.

Муры среди них не было. Природная прозорливость избавила ее от этого. Но было ясно, что она сделала неправильный выбор. Волки снова бежали, а вторая великая русская революция ссадила ее со средства передвижения, которое она выбрала.

Никогда больше не будет так, как было.

⁵⁶ Abraham, *Alexander Kerensky*, с. 343. Среди тех, кто пострадал от репрессий в последующий период, были: Борис Флеккель (бывший секретарь Керенского), который был арестован и расстрелян ЧК, и брат Керенского Федор, расстрелянный в Ташкенте Красной армией в 1919 г. Заместитель начальника ЧК сказал о Флеккеле: «Он признался, что был секретарем Керенского, – этого достаточно, чтобы расстрелять» (проецировано у Abraham, с. 343).

Глава 3. Красная зима. Декабрь 1917 г. – январь 1918 г.

12 декабря 1917 г., Петроград

В тот год было два Рождества, и ни одно из них не было счастливым. Наемный экипаж ехал по Адмиралтейскому району по направлению к Дворцовой набережной. Извозчик погонял свою недоедающую лошаденку, чтобы та бежала как можно быстрее; находиться на улицах было небезопасно в любое время, не говоря уже о темном времени суток, но без еды ведь не проживешь. Лошади и извозчики голодали из-за нехватки клиентов, и, как всякая живая душа в этом гибнущем городе, выглядевшая так, будто у нее в кармане могут оказаться несколько рублей, извозчики становились жертвами грабителей и убийц, бродивших повсюду. На мостах и перекрестках сидели небольшие группки солдат, грелись вокруг жаровен, но они мало делали для поддержания порядка. Законом была толпа⁵⁷.

Сидя в экипаже, Мура смотрела на знакомые улицы. Сколько раз она проезжала по ним в автомобилях, каретах и наемных экипажах или беззаботно гуляла летом по проспек-

⁵⁷ Денис Гарстин, письмо, 27 ноябрь 1917 (NS), воспроизведено у Walpole, *Denis Garstin*, с. 595.

там, в тени Зимнего дворца и около Исаакиевского собора. Покой и уверенность надежно обеспечивались огромным государственным аппаратом империи, аристократией во всем ее блеске и военной мощью. Мура никогда не думала, что может дойти до такого – потертого экипажа, громыхающего колесами по небезопасным улицам. Золотые шпили все еще оставались на своем месте, и здания, построенные в палладианском стиле, мерцали под ночным небом, но жизнь из них ушла.

Рядом с Мурой сидел, погружившись в горестные мысли, ее муж Иван, вернувшийся с войны домой, вероятно, на этот раз навсегда. В ноябре большевики договорились с немцами о прекращении огня и вели переговоры о временном перемирии, которое должно было продлиться до января 1918 г. Тем временем в Брест-Литовске в Польше шли мирные переговоры. Среди большевиков уже появились разногласия. Их вождь Ленин хотел быстрого конца войны, чтобы закрепить завоевания революции, но большинство членов Центрального Комитета, включая Троцкого – народного комиссара по иностранным делам, настаивали на плане возобновления боевых действий, привлечения на свою сторону симпатий немецкого пролетариата и распространения революции по Западной Европе⁵⁸.

Сердце патриота Ивана рвалось на части между войной и революцией. У него были связи с Германией благодаря ди-

⁵⁸ Figes, *People's Tragedy*, с. 540–544.

пломатическому прошлому, а также длинной космополитической родословной семьи Бенкендорф. Но всю свою жизнь он был истинным русским, абсолютно преданным царю. В то же время он волновался о будущем своей родной Эстонии, зажатой между двумя великими державами. Сохранится ли она при большевиках, будет отдана Германии или добьется независимости?

Для Муры главным результатом перемирия было то, что она оказалась вынужденной находиться в компании Ивана более продолжительное время, чем ей было комфортно. Полный тревоги, лишенный преимуществ своего звания, положения и возможности вести образ жизни богатого человека, он с каждым днем становился все менее и менее подходящим супругом. В отношениях возникли трения, напряженность, частые споры.

Теперь Петроград представлялся гнетущим, не похожим на волшебный город, которым когда-то казался. Место заключения. Здесь больше не было ничего волнующего, только страх, отсутствовали и возможности развлечься где-либо в других местах. Для Муры и ее друзей больше не будет рождественских праздников в Йенделе. Там стало опасно. Всего несколько недель назад, когда в Йенделе все еще жила семья, поместье подверглось нападению⁵⁹.

⁵⁹ Точная дата этого происшествия неизвестна. Бьюкенен (*Ambassador's Daughter*, с. 181) предполагает, что это было перед Рождеством 1917 г., называя это причиной, по которой Рождество нельзя было провести в Йенделе, тогда как дочь Муры Таня (Alexander, *Estonian Childhood*, с. 7) пишет, что это было в конце

Это было ужасно. Вслед за Октябрьской революцией агрессивный дух большевизма полетел по Российской империи, в некоторых местах получил отпор, но во многих удержался. Одним из мест, которое запыхало мстостью, была Эстония. Вооруженные банды бродили по сельской местности, грабили и терроризировали население. В Йенделе шайка крестьян – людей, которые для Бенкендорфов были лишь безликой рабочей силой и зловонной, одетой в овчинные тулупы толпой на железнодорожных станциях, – пришла в особняк в поисках крови и добычи. Испугавшись за жизнь своих детей, Мура собрала их и, когда толпа уже шла по подъездной аллее, бежала из дома.

Тогда крестьяне не стали нападать на сам дом. Они остановились на скотном дворе поместья, внушительные конюшни, сараи и свинарники которого растянулись вдоль одного ответвления дороги. Они начали уводить лошадей и коров и рушить все, что не могли забрать с собой. Мура с детьми пряталась в саду пять часов, страдая от холода, слыша пронзительный визг свиней, которых забивали в хлеву.

Идиллия в Йенделе закончилась навсегда.

Страх был везде. В сельской местности царила анархия, а на городских улицах властвовала преступность. Но настоящий ужас вселило государство. У простых русских людей

1918 г. во время второй вспышки анархии после ухода немецких войск. Однако Таня утверждает, что таких инцидентов было много, и происходили они в разное время; к тому же она была слишком мала, чтобы запомнить такие случаи.

всегда хватало причин бояться своего правительства, но на этот раз все было иначе. Теперь больше всего причин для страха оказалось у буржуазии. В обстановке гражданской войны большевики создавали свое государство с поразительной скоростью, перенимая существующий чиновничий аппарат и проводя чистку его верхних эшелонов от ненадежных людей. Красная армия, состоявшая из старых полков, точно так же очищенная от не сочувствующих революции офицеров, почти мгновенно стала способной воевать с рассредоточенными белыми монархистскими вооруженными силами. К началу декабря большевики создали политическую службу безопасности. Ее полное название было Всероссийская чрезвычайная комиссия для борьбы с контрреволюцией и саботажем. Она тут же стала известна под аббревиатурой ЧК, а ее офицеров стали называть чекистами; эти названия вскоре стали символами террора.

Тот же самый декрет, по которому была создана ЧК, ввел требование регистрации для всех состоятельных людей⁶⁰. Началось лишение собственности правящих классов и землевладельцев. Самые дальновидные из них принялись прятать свои сокровища. Однако большинство все еще не видело чудовищность краха, который их всех ожидает. Пока они еще наслаждались теми немногими приоритетами высокого положения, которыми им удавалось пользоваться. Мужественно ходили по улицам, чтобы делать покупки, пла-

⁶⁰ Smith, *Former People*, с. 131.

тя огромные цены за все и часто подвергаясь грабежам за мгновение до совершения какой-нибудь покупки⁶¹. Они даже осмеливались ночью выходить на улицу, чтобы отправиться друг к другу на ужин, а верные им слуги по крохам собирали блюда, какие только можно было приготовить из скудных запасов, и стойчески терпели почти постоянные отключения электричества.

Экипаж, в котором ехали Мура и Иван, свернул на Дворцовую набережную. Им были видны ярко освещенные окна британского посольства – сегодня электричество давали бесперебойно; и это было, наверное, счастливое предзнаменование. Сэр Бьюкенен устраивал рождественский прием для сотни сотрудников посольства, а также для группы избранных близких русских друзей, которые еще не бежали из страны. Мура и Иван фон Бенкендорф были среди них.

Мероприятие было сугубо английское – празднование Рождества в день, на который оно выпало бы в Великобритании, а здесь это соответствовало 12 декабря. Этот способ придумал сэр Джордж, чтобы попрощаться со страной, которая была его вторым любимым домом на протяжении последних семи лет. Когда-то получить назначение в Петроград⁶² он считал успехом, но теперь все говорило за то, что

⁶¹ Гарстин, письмо, 8 дек. 1917 (NS), воспроизведено у Walpole, *Denis Garstin*, с. 596.

⁶² Россия – страна, где находилась одна из самых важных дипломатических миссий Великобритании, была первым местом, куда Бьюкенен был назначен послом в 1910 г. (Buchanan, *Ambassador's Daughter*, с. 87–88).

оно может принести ему смерть. Сэр Бьюкенен всегда казался хрупким, но теперь выглядел по-настоящему нездоровым – «безнадежно истощенным», как писал Денис Гарстон⁶³. Стресс оттого, что он оказался в невероятно трудном положении, будучи вынужденным представлять правительство Великобритании враждебно настроенным большевикам, довел его до физического упадка сил пару недель назад, и он попросил разрешения съездить на родину в отпуск. Он был сломленным человеком, ум которого больше не функционировал должным образом⁶⁴. Но пока продолжал работать и выполнял обязанности хозяина.

Здесь было большинство близких друзей Муры – Мириам Арцимович и ее жених Бобби Йонин. Присутствовал и Френсис Кроуми, несмотря на то что был готов отправиться в свою флотилию подводных лодок, все еще находившихся на базе в Ревеле (но уже недолго). На приеме был и Денис Гарстин – Гарстино, все еще работавший в пропагандистской конторе, все еще подающий надежды и жизнерадостный, несмотря на то что большевики растоптали большую часть его веры в дело социализма. И разумеется, там была Мериэл. Она была расстроена, прекрасно зная, что, когда ее отец уедет в отпуск на Новый год, они покинут Россию на-

⁶³ Гарстин, письмо, 6 янв. 1918 г. (NS), воспроизведено у Walpole, *Denis Garstin*, с. 598.

⁶⁴ Sir George Buchanan, *My Mission to Russia*, с. 239, 243; памятная записка, процитировано у Kettle, *The Allies and the Russian Collapse*, с. 181.

всегда, и едва сдерживала слезы⁶⁵.

Это были странный вечер и грустная вечеринка, несмотря на концерт и разнообразные развлечения, которые были предложены гостям. Электричество не отключали, и люстры горели всю ночь. Состоялся ужин, к блюдам, чудесным образом состряпанным практически из ничего итальянским поваром сэра Джорджа, добавилась тушенка. Были танцы, оживленные разговоры и смех, гости были полны решимости веселиться, но все были охвачены атмосферой постоянного напряжения; у всех атташе в карманах лежали заряженные пистолеты, а в помещении архива были спрятаны винтовки и ящики с патронами. Толпы снова разграбили Зимний дворец в начале этого месяца, и все боялись, что любое общественное собрание в одно мгновение может превратиться в кровавую осаду. Мериэл позднее будет вспоминать, что «в тот момент мы старались забыть о таившейся повсюду опасности, о грусти приближающегося расставания, разорении и нужде, скрытой за тяжелыми красными парчовыми портьерами»⁶⁶

⁶⁵ Buchanan, *Ambassador's Daughter*, с. 190–191; *Petrograd*, с. 249.

⁶⁶ Buchanan, *Dissolution*, с. 273–274.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.